

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнион"

состоится

Анонс

состоится только

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Въездной биржи

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

Концерт Мари́н Ивановны Долиной

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (78).

Март. 2011 год.

ВСЕМИРНОМУ КЛУБУ
ОДЕССИТОВ — 20 ЛЕТ

Колонка редактора

Почти ровесники. Два десятка лет выходит газета "Всемирные одесские новости", почти столько же возглавляет Одесский литературный музей Татьяна Ивановна Липтуга. И главное, все эти годы прошли в реальном плодотворном сотрудничестве.

...Резо Габриадзе сделал для Одессы подарок — бесконечно трогательный и нежный памятник Рабиновичу. Кстати, название скульптуре придумал Михаил Жванецкий, первым увидев эту скульптуру.

Но как, где, пробивая какие бюрократические препоны, его установить? "А может быть, в садике Литературного музея?" — подумал я. И тут же подошел к Татьяне Липтуге. На совет был призван ее муж, человек безудержной энергии и фантазии, Леонид Липтуга, с которым мы до 1994 года были депутатами Одесского горсовета. И в течение получаса решение было принято — к 1 апреля 1995 года открыть памятник Рабиновичу в Литмузее.

Кстати, тогда Татьяне и Леониду пришла мысль ежегодно пополнять сад Литмузея скульптурой малых форм. Так возник за полтора десятилетия "Сад скульптур" Одесского литературного музея. Так, вторым его "экспонатом" стал "Памятник грядущему гению", созданный Николаем Степановым, — три птицы с головками Пушкина, Гоголя и Бабеля, самых вершинных имен в литературной Одессе, склонившись над золотым яйцом, ожидают грядущего гения...

Сотрудничество Всемирного клуба одесситов с Одесским литературным музеем принимало разные формы. Помогали друг другу делать выставки, совместно выпускали поэтические книги, воскрешая полузабытых поэтов, участвовали в подготовке альманахов "Дерибасовская — Ришельевская" и "Дом князя Гагарина"...

Вроде бы все это о делах, а не о человеке, не о личности, не о самой Тане Липтуге. Но самое поразительное в том, это она вся в этих делах, в созидании Музея, культурной ауры вокруг музея.

Может быть, кого-то и нужно было бы убеждать, что появление молодой поросли поэтов, группирующейся во Всемирном клубе одесситов вокруг очередной, пусть и не керосиновой, но все же Зеленой лампы, — это знак перемен. Кого-то, но не Татьяну Липтугу. Она познакомилась с молодыми литераторами, нашла возможность предоставлять им для презентаций их первых книг Золотой зал музея.

По служебной обязанности или по душевной теплоте? Вопрос нелеп для тех, кто знает Татьяну Ивановну.

Мы познакомились много лет назад в этом музее, когда Никита Алексеевич Брыгин собирал не только экспонаты, но и людей, которые смогут вдохнуть жизнь в мертвое слово — экспонаты. Среди первых сотрудников была Таня (тогда еще не Татьяна Ивановна) Липтуга. Но вот этот блеск в глазах, подмеченный рыжим Никитой, она сохранила все эти три с половиной десятилетия.

Недавно Татьяна Липтуга была награждена Знаком почета одесского городского головы. Признаться, это послужило не причиной, а подходящим поводом, чтобы публично сказать Тане: "Мы, то есть Всемирный клуб одесситов, и я, то есть Е.М. Голубовский, тебя ценили и ценим, любили и любим, на тебя надеялись и надеемся. Ждем, каким памятником ты порадуешь 1 апреля 2011 года, каким одесским календарем — 2 сентября 2011 года, ждем нового литературного фестиваля".

Дорогие коллеги и друзья,

Журнал "Октябрь" вместе со всеми вами скорбит о трагической кончине поэта, драматурга Анны Яблонской. Жестокость, с которой прервалась жизнь поэта, переключается с жестокостью нашего века.

Первые публикации ее прекрасных стихов и тончайшей эссеистики были в нашем журнале. Многие годы нас связывали прочные творческие отношения. В Москве у Анны много друзей, все мы глубоко переживаем и, конечно же, сделаем все, чтобы память об Анне Яблонской жила и в наших сердцах, и на страницах наших изданий.

С глубоким прискорбием,

Ирина Барметова,
главный редактор
журнала "Октябрь"

Дорогой Леонид!

Вы вправе думать, что я окончательно пропал. Аи нет — я вот он, — жив!

Просто был завален таким количеством работы, да и хворал некоторое время.

Сегодня включаю после небольшого времени www.odessitclub.org — и кого вижу? — слышу, как Вы рассказываете об "Они оставили след..." очаровательной рыжей журналистке. Плак увидел Вас — и узнал об интереснейшем проекте. Сразу прошу небольшую справку — о Викторе Бесчастном, хотя бы элементарные данные о нем — даты, главные факты, строк на 5-6. Это самое срочное, уже дней 10 как университетский коллега обещал, а все тянет. Уверен, от вас я получу это в ближайшие дни. А скажите, где можно хотя бы отрывки из этого справочника увидеть? Извините, сейчас мне надо это прервать. Завтра снова появлюсь. Всего самого вам доброго.

Prof. Istvan Fenyesi
из Сегеда
fenyesi@invitel.hu

Уважаемый Леонид,

Еще раз спасибо Вам большое, что помогли связаться с Мишей Обуховским! Вот уже год мы переписываемся.

Миша написал мне, что готовится новое издание его книги "Джазовые вариации на тему Одессы". Буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы подскажете, как можно приобрести эту книгу или подписаться на нее.

С уважением,
Сергей Власенко
graydive@gmail.com

Здравствуйте. Буду Вам очень признателен, если Вы сможете переадресовать мой вопрос уважаемому Олегу Иосифовичу Тубарю. Вопрос: Олег Иосифович, если можно, сообщите мне, пожалуйста, с какого года и по какой Феликс де Ридас стал исполнять должность плац-майора?

С уважением,
А.В. Макидонов
makidonov.av@mail.ru

Здравствуйте,
Вас беспокоит студентка Одесского национального морского университета.

Студенческое самоуправление юридического факультета хотело бы сделать небольшой взнос относительно памятника Бабелю. Хотелось бы в понедельник уже все передать.

Марина Печка
marinka92@inbox.ru

Я не знаю, говорит ли кто-то из вас по-французски.

Я журналист. Была в Одессе в декабре, но тогда у вас было закрыто.

Я бы хотела что-то читать об истории фотографии в Одессе конца XIX века, об авторе фотографии в Одессе... Я знаю, что люди из Варшавы или из Петербурга фотографировали в Одессе.

Например, у меня есть фото от своей бабушки от бабушки Ателье фотографии А. Таттло, Одесса, 1894". Можете ли вы мне помочь?

Я надеюсь, что буду возвращаться в Одессу. Но сейчас я пишу "Путеводитель по Одессе" на французском.

Можете ли вы мне помочь по истории фотографии в Одессе?

Есть ли у вас сведения о Феликсе Гонсиоровском (где и когда родился, где и когда умер)... Где он работал? Только в Одессе или тоже в Варшаве?..

Я хотела бы приобрести книги о памятниках архитектуры в Одессе.

Буду звонить вам по телефону.

София Массолович,
журналист,
Париж

Уважаемый Леонид!

Желаю Вам всяческих успехов и свершений. Со своей стороны хочу сказать, что все наши власти за все время их существования не сделали для нашей семьи того, что сделали Вы. Мы Вам от всей души благодарны...

Еще хочу пару слов сказать о нашем сайте "Новороссицев".

Я не думала, что он вызовет интерес, создала его, чтобы хоть как-то выполнить свой долг перед погибшими. Но, к удивлению, не проходит дня без писем, отзывов, вопросов. У меня теперь масса адресов и переписка по нескольким письмам в день. Это дало мне возможность оценить тот огромный труд, который Вы ведете. Как это у Вас здорово получается — для меня просто загадка. Мне есть на кого равняться.

Наша семья к 55-й годовщине гибели "Новороссииска" подготовила сайт памяти.

Он пока в работе. Мы его посвящаем не кораблю, версиям гибели, а погибшим морякам, экипажу. Мы собрали около 400 фото погибших, сейчас я добавляю краткую информацию о них, о ком хоть что-то знаю. Потом буду добавлять документы и письма. Считаю самым ценным раздел "Личный состав", там хороший поисковик, можно сортировать по боевым частям, месту призыва и т.д. Если у Вас будет минутка, посмотрите.

В любом случае, если к Вам будут обращаться по поводу "Новороссииска", можно давать эту ссылку: <http://link-novorossiysk.ru>. Еще раз большое спасибо за все.

С уважением,
Ирина Руденко (Матючевич)
vladis.r-o@mail.ru

Уважаемая Людмила,

Загорелся идеей ко дню установки памятника Бабелю в Одессе издать "Конармию" с Вашими 18-ю рисунками — графикой Ефима Ладженского к "Конармию" И.Э. Бабеля.

Пока это идея. Хотелось бы знать ваше мнение и теоретически получить разрешение у Вас (как владельца рисунков Е. Ладженского) на размещение рисунков. Боюсь, что в этом случае нужно получить еще письменное разрешение от дочки Е. Ладженского (то есть, что дочка не имеет претензий к такому изданию).

Если Вам нравится идея и есть возможность получить разрешение и у дочки, — то я бы просил какой-то тираж — 300-400-500 экземпляров — и постарался бы найти спонсора, чтобы издать такую книгу.

Вижу ее в твердой обложке с работой Ладженского на обложке.

С уважением,

Леонид Рукман,
директор Всемирного клуба одеситов

Людмила!

Спасибо Вам и Леониду за идею выпуска "Конармии" И. Бабеля с папиными рисунками к этому произведению. Я буду очень рада, если этот проект реализуется.

Всего наилучшего,

Виктория Ладженская

Здравствуйте,

уважаемый г-н Леонид Рукман!

Извините, не знаю Вашего отчества.

Меня зовут Леонид Михайлович Горовой. Журналист из Москвы. Меня интересует одесский писатель Феликс Захарович Зинько. К сожалению, не могу найти никаких сведений о нем. Обратиться мне в Одессе не к кому, поэтому вся надежда на Вас.

Жив ли Феликс Захарович? Как с ним связаться? Буду признателен Вам за любую информацию о Ф.З. Зинько и заранее благодарю Вас.

Леонид Горовой
leon1958@mail.ru

Уважаемые члены президиума Всемирного клуба одеситов!

Накануне 70-летия нашего уважаемого начальника, одесита по рождению, убежде-

ниям и образу жизни Черномеса Владимира Петровича, обращаемся к вам с просьбой о принятии его в члены клуба.

Владимир Петрович жил в Одессе практически с рождения (с лета 1941 г.) и все годы юности. Сейчас живет в Санкт-Петербурге. Он — заслуженный изобретатель Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор. За время совместной работы мы многое узнали об Одессе от верного ее почитателя — Владимира Петровича, познакомились с творчеством И. Бабеля, а в память о первооткрывателе города Иосифе де Ридасе посетили Смоленское кладбище Санкт-Петербурга, где у могилы И. де Ридаса прослушали рассказ о его жизни в исполнении юбиляра.

Надеемся, что принятие Владимира Петровича в члены Всемирного клуба одеситов будет хорошим подарком к юбилею, который случится 18 февраля, а сам юбиляр будет счастлив общаться с родным городом и участвовать в его настоящей жизни через ваш сайт.

С уважением,

коллеги Владимира Петровича:
Елизавета Людмила Евгеньевна
Холодкова Юлия Александровна
Черномес Владимир
innovas@bk.ru

Письмо, переведенное с английского:

Здравствуйте.

Я француз из Парижа.

Я не говорю на русском.

Моя фамилия Кишиневский. Вся моя семья прибыла из Одессы и Бендер.

Мой знаменитый дядя — Соломон Кишиневский, живописец (1862-1941/42)

Я хотел бы больше (все) знать о нем.

Как я могу найти картины его?

Хотел бы знать о его семье (жена, дети, отец, мать)...

Можете ли Вы помочь мне?

Спасибо.

С наилучшими пожеланиями,

Kishinevsky (также живописец)
kij174@wanadoo.fr

Уважаемый Леонид Менделевич!

Разрешите от себя и от имени одеситов-моряков подблагодарить лично Вас за великолепный DVD "Они оставили свой след в истории Одессы".

С наилучшими пожеланиями,

Виктор Кривин,
West Hollywood, California, USA
viktorkrivanm@yahoo.com

Уважаемый Леонид Менделевич,

добрый день!

К Вам обращается давний друг Одессы Соломин Андрей из Москвы.

В Одессу я впервые приехал в 1966 году в возрасте 6 лет. До этого беспрерывно с 2-х лет лечился от туберкулеза, и врачи рекомендовали морской воздух. Жил в военном городке у друзей родителей на берегу моря и открывал для себя Одессу, как Новый Мир.

В 8 лет полетел на Кубу долечиваться и с радостью встречал корабли из Одессы. В 1970 вернулся в Союз и с радостью приезжал в Одессу на школьные каникулы. Поступил в МГУ на географический и решил изучить Мир. Учился на вечернем, поэтому в 1978 перед призывом в Армию приехал в Одессу и попрощался, загадал возвращение снова на эту землю.

Служил в Сибири в авиации. Потом вернулся в МГУ и с 4-го курса стал вести проектную деятельность, в том числе в Одессе.

В 1985 году впервые принял участие в одесской Юморине.

В 1986 году — Чернобыльская трагедия. Был уже экспертом Всемирного Банка, работал в ВАСХНИЛ, был экспертом по сельскому хозяйству Горбачева. Полетел спасать детей, жителей и здоров.

В 1987 году, поступив в аспирантуру, по-

летел работать в зоне возле реактора, все, что было необходимо, сделали. Был сильно облучен. Слава Богу, спасли.

Пока лежал, вел глобальный проект создания системы Интернет. Начинать в США и Канаде. Пока вел проекты в Канаде, познакомился с украинской диаспорой в этой стране и ее историей.

В 1989 году смог вернуться в МГУ и продолжить работу по развитию Украины и Одессы. Вел сотни проектов на Украине и десятки проектов в Одессе во всех отраслях хозяйства и жизни.

Нравилось вести театральные проекты в Одессе, музейные проекты, туристские проекты. Сам, к сожалению, часто приезжать не мог. Юг и солнце стали противопоказаны после Чернобыля. Вел проекты развития Одессы как портового города, в соответствии с международной программой, где я был экспертом.

В 1991 году СССР распался. Стал работать с Украиной как с суверенной державой. Помогал заключать соглашения Украины со странами Запада, с Россией, с азиатскими странами и всеми черноморскими странами. В рамках этих соглашений вел массу проектов в Одессе.

В 2001-2002 снова лечился от рака крови. Слава Богу, снова выжил. Имел полную потерю памяти, стал инвалидом-пенсионером.

Начал третью жизнь. Восстанавливаюсь.

Буду рад любой помощи, позволяющей вспомнить историю моих связей с Одессой и выполненных проектов.

Желаю Одессе счастья и радости!

До свидания!

Искренне Ваш,

Соломин Андрей

Уважаемый Леонид!

(Извините, не знаю Вашего отчества.)

Меня зовут Марина Александровна Витурновская, я историк, доктор философии, вот уже двадцать лет живу и работаю в Финляндии.

В настоящее время я работаю над монографией, посвященной жизни и гибели одного из известных одеситов, экономиста, депутата Первой государственной думы, убитого в 1906 году черносотенцами, Михаила Яковлевича Терцентиштейна. За несколько лет работы над темой я успела собрать значительный материал о М. Я., но его детские и юношеские годы, период учебы в Одесском университете пока являются самым слабым местом моей работы, так как до одесских архивов мне не добраться.

Сегодня я обнаружила ваш сайт Всемирного клуба одеситов и с интересом прочла о существовании проекта "Они оставили след в истории Одессы". Насколько я поняла, вы готовите к публикации биографии многих известных одеситов. В связи с этим у меня появился вопрос — не работает ли кто-либо из одесских историков над биографией самого М. Я. Терцентиштейна или историей его семьи, и нет ли среди них людей, занимающихся историей одесского Новороссийского университета? И если такие историки есть, не помогли ли бы Вы мне с ними связаться?

Об М. Я. Терцентиштейна я опубликовала несколько статей, посылаю Вам, если интересно, адрес одной из них:

<http://www.e-slovo.ru/302/6rol1.htm>

С уважением,

М.А. Витурновская
kauphala@sannalakti.fi

Добрый — добрый день!

Степу вам сообщить, как вчера меня порадовали!

Вечером мы с Леной Мартынюк пошли в кафе "Булгаковского Дома" на Большой Садовой, 10. За соседним столиком сидел известный местный музыкант, композитор, который с Одессой никак не связан, и читал журнал "Дерibasовская — Римельская".

В центре холодной и морозной Москвы увидеть такое — было замечательным приветом из родного южного города! Я так обрадовалась! Спросила у него — откуда? Оказалось, что он давно читает этот журнал, ему нравятся статьи. А журнал он берет у друга, которому тоже присылает друг и т.д. Не только одеситам нравится журнал!

Очень хотелось вам рассказать об этом.

Желаю вам всего самого хорошего и замечательного!

Привет из Москвы!

С огромным уважением,

Ирина Авдеева

Юлия ЗИЛЬБЕРКВИТ Моя Одесса

Когда меня пригласили приехать с концертами в Одессу, я очень обрадовалась: открыть сезон в городе, откуда родом Гилельс, Рихтер, Ойстрах и множество других прославленных музыкантов, — было весьма почетно. Погруженная в подготовку к поездке и массу других дел я поначалу как-то не очень задумывалась о том, что связывает меня с этим городом. Как всегда, мысли крутились вокруг чисто профессиональных вопросов: каким окажется рояль, на котором предстоит играть, как оркестр справится с труднейшей партитурой, как сложится наш творческий альянс с дирижером — американским музыкантом Хобартом Эрлом, двадцать лет назад возглавившим местный филармонический оркестр и прочно осевшим в Одессе.

И только оказавшись в самолете, я вдруг осознала, что заставляет меня волноваться еще больше. Конечно! Ведь я ехала в город, о котором постоянно слышала дома, с тех пор, как себя помню. Родители моего отца были родом из Одессы, где в свое время обитал огромный клан родственников (из которых сегодня в городе не осталось никого). Особый момент заключался в том, что моя бабушка — Ревекка Рабинович, окончила одесскую консерваторию по классу фортепиано у профессора Надежды Чегодаевой, в прошлом ученицы Скрябина. Таким образом, отсюда началась музыкальная линия нашей семьи.

Но, как оказалось, этим мои связи с Одессой не исчерпывались.

Когда я приезжаю выступать в какой-нибудь город, я не интересуюсь ничем и никем, пока готовлюсь к концерту. В Одессе я разместилась в маленькой, но очень комфортабельной гостинице под названием "Моцарт" (а как же иначе?!). Едва приняв душ и переодевшись, я, по своему обыкновению, не глядя по сторонам, отправилась на первую репетицию. Вопреки моим волнениям, все прошло хорошо. Маэстро Эрл был предельно внимателен. С первой ноты стало ясно, что это профессионал, необычайный энтузиаст музыки, требующий полной отдачи от своих оркестрантов. Как только репетиция закончилась, я почувствовала, что валюсь с ног, — длительный перелет, перемена во времени. В полудреме добралась до гостиницы и тут же уснула.

Проснувшись на следующий день и позавтракав, я вышла из гостиницы и... застыла. Накануне я не заметила прямо перед отелем здание знаменитого оперного театра — одного из самых красивых в Европе.

Дальше — больше. Мой короткий путь к филармонии проходил по Пушкинской улице.

Я сбавила шаг, потому что от фасадов домов, к которым вплотную подступали кроны платанов, нельзя было оторвать глаз.

Музей Востока — кстати, кто знает, что в этом здании было до этого?

Окончательный удар меня ждал, когда я приблизилась к зданию филармонии — бывшей одесской биржи.

Оно было столь же красиво изнутри, как и снаружи, на что я, войдя в зал в уже более вменяемом состоянии, не могла не обратить внимание.

Назад после репетиции я шла нарочито медленно, разглядывая каждый дом. В какой-то момент вдруг поймала себя на мысли, что не просто по-туристски люблю красоту чужого города. Мне показалось, что я как-то почувствовала, что это город, в котором я могла бы жить, или, по крайней мере, в котором я могла бы постоянно возвращаться.

В гостинице я увидела в лобби молодую женщину, которая, подойдя ко мне, представилась местной журналисткой. С Ланой Лехтман, как ее звали, мы как-то сразу подружились. Лана предложила мне перейти через узкую улочку, на которой располагался отель. Мы прошли через маленький ресторанчик напротив "Моцарта" (естественно, под названием "Сальери"!) и оказались в очаровательном дворике, сохранившем с дореволюционных времен романтическое название — Пале-Рояль (привет из Парижа!).

Мы сели в кафе на открытом воздухе, и началась наша беседа. Я искренне восхитилась красотой города, на что моя собеседница заметила: "Да вы почти ничего не видели. Вам надо хотя бы дойти до памятника Дюку". "Кому?" — переспросила я. "Дюку де Ришелье, — улыбаясь, ответила она. — Без этого нельзя почувствовать старую Одессу".

Мы быстро перешли к моим одесским корням. Я похвасталась, что мои родственники жили по адресу: Дерибасовская, д. 1, кв. 1. Но мою собеседницу интересовали не только мои бабушка и дедушка — одесситы. Мы пошли дальше, вглубь времени". Как, вероятно,

и многие, я плохо знаю жизнь и судьбу своих "пра". Но что-то вдруг выплыло из памяти. Я вспомнила, что во время погромов были убиты два брата моей прабабушки. А сама она, когда Одесса и окрестности были захвачены фашистами, вместе со своей престарелой матерью попала в гетто в Балте, откуда они были родом (можно ли было предполагать, что родные моего мужа окажутся выходцами из этого же небольшого городка около Одессы?). Прабабушке чудом удалось бежать, а вот ее мать (моя прапрабабушка) там погибла. Журналистка была впечатлена такой историей, и перед тем как мы попрощались, сказала: "У нас здесь есть небольшой еврейский музей — непарадный, но очень интересный. Я могу так сделать, что музей откроют для вас, когда вам это будет удобно. Постарайтесь найти время, вам надо там побывать".

Настал день первого концерта. Зал был полон. После исполнения меня несколько раз вызывали на сцену. За кулисами люди благодарили, спрашивали, когда я приеду в следующий раз. В какой-то момент ко мне подошли с цветами (не на сцене, а именно за кулисами) два молодых человека такой комплекции и внешнего вида, какими бывают обычно байкеры. И какие слова они говорили!..

Через день я играла концерт второй раз. И снова — полный зал. Оркестр и маэстро Хобарт Эрл были на высоте. Когда я закончила играть концерт Равеля и меня в энный раз вызвали на сцену, я решила на бис. Перед тем как сыграть Адажио Марчелло, я объявила, что посвящаю исполнение памяти моих бабушки и дедушки, живших в Одессе. Публика приняла это с невероятным энтузиазмом...

Моя поездка подходила концу — на следующий день я улетала в Нью-Йорк. Наутро, перед тем как отправиться в аэропорт, я вспомнила о приглашении посетить местный еврейский музей. Созвонившись с Ланой, попросила о возможности заехать туда перед полетом. Через пять минут Лана перезвонила и сказала, что меня ждут.

Еду по указанному адресу. На первом этаже здания вижу открытую дверь и рядом маленькую табличку — "Еврейский музей Одессы".

Меня встречают Лана и мужчина средних лет, директор музея — Михаил Рашковецкий. Музей — это, конечно, громко сказано: небольшая экспозиция, больше напоминавшая лавку старьевщика, располагается в бывшей коммунальной квартире. Михаил переходит из комнаты в комнату, от предмета к предмету, рассказывая, что и сам музей складывается спонтанно. "Кто что отдаст — вот и экспонат. Так, — улыбаясь, поясняет он, — и получился музей".

Я уже поглядывала на часы (не хотелось опоздать на рейс), когда мы оказались возле угловой старинной этажерки, на которой на вязаных салфетках стояла фотография в рамке и лежали несколько других предметов. "Вот взгляните на этот снимок, ему примерно сто лет, — говорит Михаил. — Видите этих трех детей — девочку и двух мальчиков? Младший — это Борис Минкус. Он прожил всю жизнь в Одессе, был инженером, умер некоторое время назад в преклонном возрасте, передав нам накануне своей смерти ряд предметов из своей семьи. Рядом с ним — его брат Михаил, будущий известный архитектор, один из авторов проекта здания МИДа в Москве, и сестра — Рика Минкус. Она, кстати, была музыкантом..."

"Рика Минкус? — переспросила я. — Скажите, пожалуйста, имя их отца было Адольф?" — "Да, их отец — Адольф Минкус,

Фото Евгения Волокина

был известный в Одессе архитектор. А откуда вы знаете?"

Рика Адольфовна Минкус... Пианистка и педагог, выпускница одесской консерватории по классу профессора Берты Рейнгальд, у которой учился Эмиль Гилельс. Талантливый литератор (она переводила Гейне и Гендерлина), Рика Минкус стала первой учительницей музыки моего отца, а потом — его близким другом. Когда меня начали учить игре на фортепиано, я приходила к ней поиграть. Она была из той, наверное, уже исчезнувшей породы людей, для которых искусство, литература, музыка были делом невероятной серьезности. Именно она порекомендовала мне начать консультироваться у молодого талантливого педагога Александра Мндоянца (ныне профессора Московской консерватории), в свою очередь, ученика моего профессора до Джульярду прославленной пианистки Беллы Давидович. Рассказываю мою часть истории. Михаил и Лана взволнованы — такое совпадение!

"Но это еще не все, — продолжил Михаил. — Как гласило семейное предание, переданное мне покойным Борисом Минкусом, прапрабабушка детей, запечатленной на фотографии, приехавшая в Одессу из Германии, по какому-то вопросу отправилась на прием

к Дюку де Ришелье. Великий потомок легендарного кардинала Ришелье вышел к ней... в домашней куртке. На что мадам Минкус не преминула выговорить герцогу, что, дескать, в Европе должностное лицо, даже самого высокого ранга, на деловые встречи одевается соответствующим образом..."

Я посмотрела на часы: пора было выдвигаться в аэропорт. Я поблагодарила Михаила и Лану. Мы попрощались. Через несколько часов я глядела в окно иллюминатора на удаляющуюся Одессу. В голове все путалось. Дюк де Ришелье, первый и великий градоначальник Одессы, ее символ? Рика Минкус, которой уже давно нет на свете? Я и мои концерты в Одессе в 2010 году? Такое разве возможно? Как складываются эти временные вертикали? Часто ли бывает, что в три прыжка ты оказываешься в эпохе, отдаленной чуть ли не двумя веками? И почему это произошло именно в Одессе — городе, откуда произошла семья моего отца?

Не много ли совпадений? Или — наоборот — все сверху предначертано?..

Ответов на эти вопросы у меня не было. Но одно мне было ясно: я уезжала из совершенно особого города — Одессы. Города, где, вероятно, все возможно.

Из моей Одессы.

Комментарии к статье "Моя Одесса" с сайта "Сноб"

Виталий Гончарук

На Дюка нужно было смотреть с другой стороны (с люка) :)))

Юлия Зильберквит

Там были пожарные учения:)

Мария Генкина

Юлия, Вы облагораживаете Одессу в глазах снобчан, — я даже уже почти забыла свои летние впечатления.

Юлия Зильберквит

Я надеюсь, что снобчане — люди, лишенные стереотипов!

Виталий Родин

Оперный театр в Одессе очень понравился. Правда, я там был 25 лет назад. (Слушал, кстати, оперу по военной тематике на украинском языке:)

Елизавета Титанян

В Советском Союзе у меня было два любимых города — Тбилиси и Одесса. Совершенно особенные, широкие и вольные.

Юлия Зильберквит

Мой муж из Тбилиси! Правда, наши бабушки обе родом из Балты, под Одессой.

Вот что удалось узнать о доме, где сейчас находится Музей западного и восточного искусства. Построил его в 1856-58 годах архитектор Людвиг Оттон. Син того самого знаменитого ресторатора Оттона, которого упоминает Пушкин в "Евгении Онегине". "Услужливый Оттон", — пишет он. Людвиг Оттон, кстати, построил в Одессе довольно много, например, Литературный музей с совершенно необыкновенной экспозицией тоже строил он, правда, как дворец князя Гагарина. Дом строился как дворец негодянта Абазы. Негоциант — это что-то уже больше, чем купец, но еще и не банкир. После Абазы здесь долго существовала гимназия. А уже после нее дом становится музеем. Очень коротко, 2-3 года, это был музей Старой Одессы. Позже — Музей западного и восточного искусства.

Михаил Спокойный

Юлия, очень тепло вы написали. Спасибо. Я был этой осенью в Одессе тоже и очень вам рекомендую в следующий раз зайти в Дом ученых. Это почти напротив школы Столярского. Поверьте, у вас будут незабываемые впечатления.

Юлия Зильберквит

Спасибо, Михаил! Если будут еще гастроли в Одессе, — обязательно зайду.

Евгений ДЕМЕНОК

Умирает ли Одесса?

Умирает ли Одесса? Добили ли ее окончательно семьдесят лет "социализма"? Выхлостили ли ее дух — дух независимости, свободы, веселый с хитрым прищуром взгляд? Быть немножко не такой, как все, немножко более независимой, немножко более хитрой, немножко более умной, немножко более расторопной. Гнущаясь вместе с линией партии, но чуть-чуть в другую сторону. Подкосили ли ее волны эмиграции, когда уехали почти все — не скажу, что все, но почти, — самые энергичные, самые деловые, самые шустрые, самые просвещенные? Кто приехал вместо них? Наверное, тоже самые шустрые, но все же не из Нью-Йорка, Лондона, Москвы, и даже не из Киева, а немного поближе — из Молдавии, Николаевщины, Херсонщины... Смогут ли эти самые шустрые в своих поселках и селах стать успешными в Одессе, и если да, то в каком поколении? Даст ли их потомство хоть несколько славных имен, которые прославят наш город, как это происходило и пока еще происходит из поколения в поколение?

Одесса, хотя и очень молода, пережила уже не одно государство. Но в последнее время, глядя на фасады домов, состояние улиц, мне все чаще кажется, что город умирает. Умирает на наших глазах. Город — это люди и дома. И те, и другие у нас сейчас в плачевном состоянии.

Иногда я думаю, что наше поколение — одно из последних в "настоящей" Одессе. Потому что те, которые приехали, не знают и не хотят знать историю города. Потому что ветшают и рушатся дома, а вновь построенные могут участвовать в конкурсах на худшие идею и воплощение. Потому что в парадных все так же плюют, и выбиты стекла, а около моря всегда полно мусора. Потому что восемь месяцев в году грязно, а вечером на улицах темно. Потому что люди хамят и не

уважают друг друга. Потому что лица чиновников круглые и лоснятся, а глаза такие наглые, что хочется сразу дать в морду. Потому что стало очень много быдла, которое не понимает, в каком городе оно живет. Боюсь даже, что ему все равно — Одесса это или Жмеринка. Потому что хороших врачей все меньше, и все они уже старые, а новых нет — они плохо учатся, а выжить на зарплату врача невозможно. А еще город ничего не производит и живет туризмом и торговлей. Хотя, может, так и надо?

Все мы живем тут сегодняшним днем. Просто потому, что строить планы даже на пять лет — нереальная и ненужная фантастика. Ведь за пять лет все может измениться настолько, насколько никто не был в состоянии даже предположить. И никаких гарантий неприкосновенности — ни для людей, ни для их собственности.

Семьдесят лет социалистического отупения и двадцать лет "незалежного" распада. Театра абсурда, называемого государством. И тем не менее, к нам каждый год приезжают туристы, много туристов из разных стран. Им, да и нам тоже, нравятся наши рестораны, наша кухня, наши девушки и наши ночные клубы. А глянцевики журналы не перестают писать о том, что Одесса — лучший город на Земле, как будто никто из журналистов не бывал в Европе или даже уже в Азии. А каждый вновь открывающийся клуб, пляж или магазин открываются с огромной помпой и сразу позиционируются как эксклюзивный, элитарный и богемный, хотя таких клубов и пляжей в разы больше даже в небольших курортных городках Турции, где никому в голову не придет претендовать на элитарность. Причем сервис там лучше, а цены ниже.

Никто у нас не учит детей культуре. А как их учить, если родители сами не очень такие? Сегодняшняя Украина вообще страна торжествующего бытового хамства. Общественный договор — пустое слово. Вроде бы зачатки его есть, то они такие чахлые... Страх — по-прежнему лучший и самый сильный стимулятор для нас. А если подумать о том, что дети сейчас не читают, и их мировоззрение формируется телевизором и компьютерными играми, становится немного не по себе. Слепой родитель не сможет научить своего ребенка рисовать, глухой — играть на фортепиано. Невежественный не сможет научить культуре. Вопрос "Нужна ли людям культура?" для меня уже не актуален, я снял его с повестки дня однозначным "да". Но для многих он еще долго будет оставаться без ответа.

Есть места, из которых уезжают, и места, в которые приезжают. К нам пока еще приезжают, но качество приехавших и уехавших несопоставимо.

Сколько лет / десятков лет / поколений необходимо для превращения приехавшего

в горожанина? Исследовал ли кто-то этот вопрос?

Города переживают в своей жизни разные периоды. Упадок сменяет рассвет и вновь уступает ему место. Некоторые города, однажды пережив расцвет, так и живут воспоминаниями. Долго, очень долго. Очень не хочется, чтобы Одессе ожидала такая участь.

Иногда достаточно всего нескольких пассивариив, чтобы влить в город свежую кровь, насытить его кислородом. Иногда это усилия тысяч людей. Кажется, рецепт прост — пригласить лучших и дать им полную свободу. Но у нас не лечат больных по рецептам, и у нас не одобряют самолечение. Не верю, что власти когда-нибудь пойдут на то, чтобы пригласить лучших, и я очень сомневаюсь в том, что им нужна процветающая Одесса. Потому что Одесса для власти — город неудобный. Да и Одессе будет неудобно в любом государстве, потому что Одесса — город-космополит. В характере Одессы нравиться и очаровывать всех, но никому не принадлежать полностью. Это же проявляется и в характерах одесситов. Одесса — это смесь еврейской, французской, итальянской, греческой, российской и украинской культур с примесью молдавской и болгарской. И еще многих других. В этом сила Одессы, и эта многонациональность делает наш город неудобным для любого государства, которое тчитсья выстроить монокультурную систему.

Городу нужны десятилетия стабильности, чтобы "переварить" всех приехавших. Ведь чем тяжелее пища, тем дольше приходится ее переваривать.

Мы пока еще живем тем, что вложили в город предыдущие поколения, отцы-основатели. Только вот последние сто лет в город не вкладывают, его "расходуют". Дерibas, Ршшелъе, Маразли дарили городу деньги, имущество, здания. Кто из градоначальников "новой волны" хоть что-то дал городу? Пусть даже поделился украденным?

Часто думаю о модели города-государства по подобию греческих полисов. Мне кажется, нам подошел бы такой вариант. Выкинули бы в море два-три городских правительства вместе с депутатами, а там, глядишь, и пришли бы люди почестнее. Все же трудно воровать, когда ты на виду, и нет покровителя выше. А почему бы и нет? Ведь у нас нелишествуют основные признаки государства: есть свой одесский язык, есть свои герои, которые нам важнее "государственных". А за модель можно взять Монако — ведь средиземноморский стиль жизни как нельзя более подходит.

Такие смешные утопические мысли иногда спасают от зимней депрессии. Жаль, что спасти город они не могут.

Фотографии автора.

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ Вокруг одной старинной открытки

Главной героиней нашего повествования выступает иллюстрированная почтовая карточка — открытое письмо, или сокращенно — открытка. Сто лет назад открытые письма были весьма "продвинутым", говоря современным языком, средством общения.

Речь пойдет об одной из 5000 коллекционных открыток, составляющих наше одесское собрание.

Открытка послана из Крыма в Одессу в ноябре 1915 года. Она была отправлена из Алупки 13 ноября и, согласно почтовому штампу, прибыла в Одессу 17 ноября 1915 года.

Адрес, по которому отправлено открытое письмо:

"Одесса, прапорщику В.П. Овчаренко, офицерский лазарет, Маразлиевская, 50".

Сначала обсудим адрес, который приводит нас в один из красивейших уголков Одессы у старинного Александровского парка (ныне парк имени Т.Г. Шевченко). Маразлиевская, 50 (сейчас — 48), — это доходный дом на углу четной стороны начала улицы Троицкой (№ 2), построенный в 1880-е годы архитектором Ф.И. Коловичем на месте более старого дома. Дом многократно менял владельцев и перестраивался. В начале XX века он принадлежал генералу Романенко, позднее перешел к наследнику ювелирного дела в Одессе — С.С. Мангуби.

На старинной литографии, выполненной художником В. Вахренковым, хорошо видны оба этих дома, а в центре, в перспективе Троицкой улицы, — изящная церковь Архангело-Михайловского женского монастыря, построенная архитектором Г. Торичелли в 1834 году на Новой (Михайловской, Маразлиевской) улице. Церковь простояла около 100 лет и была безжалостно разрушена в 1930-х годах. На ее месте возвели дом для работников НКВД, перед которым несколько лет назад установили памятник Г.Г. Маразли, имя которого было присвоено этой живописной улице в 1895 году.

Понятно, что прапорщик Владимир Овчаренко, которому адресована открытка, лечился осенью 1915 года в офицерском лазарете на Маразлиевской, 50, с четной стороны Троицкой улицы. Владимир Поликарпович родился в Одессе около 1889 года в семье кадрового военного, штабс-капитана Поликарпа Поликарповича Овчаренко, служившего в 59 пехотном Люблинском полку, расквартированном в городе. По сведениям справочника "Вся Одесса на 1914 год", 25-летний Владимир Овчаренко владел домом на 9 станции Большого Фонтана и состоял сотрудником газеты "Одесский листок". Как только началась война, молодой человек, окончив школу прапорщиков, пошел на фронт.

В Одессе в начале первой мировой войны были созданы две школы прапорщиков — офицеров военного времени, — обеспечивающих ускоренную (3-4 месяца) подготовку из грамотных молодых людей младших офицеров пехоты, так необходимых на фронте. Чуть позже Овчаренко школу прапорщиков закончил будущий писатель Валентин Катаев. В нашей коллекции сохранился элегантно значок 2-й школы прапорщиков, который имели право носить выпускники этого временного военного учебного заведения.

Из биографии В.П. Катаева известно, что осенью 1917 года он лечился после ранения в госпитале на Маразлиевской. С присущей ему яркостью он описал свое пребывание в лазарете и звон колоколов Михайловской церкви в автобиографической повести "Зимний ветер".

"За окнами так громко звонили колокола, что Пете казалось, будто эти тяжелые, звучные колокола находятся тут же в комнате, вместе с голубым куполом и золотым крестом колокольни, вместе с густо-синим сентябрьским небом и белыми круглыми облаками..."

Звон колоколов — сильный, красивый — влетел в комнату, заставляя дрожать цельные зеркальные окна больших высоких окон..."

Описывая местонахождение госпиталя, писатель внес некоторую путаницу в географию Маразлиевской улицы.

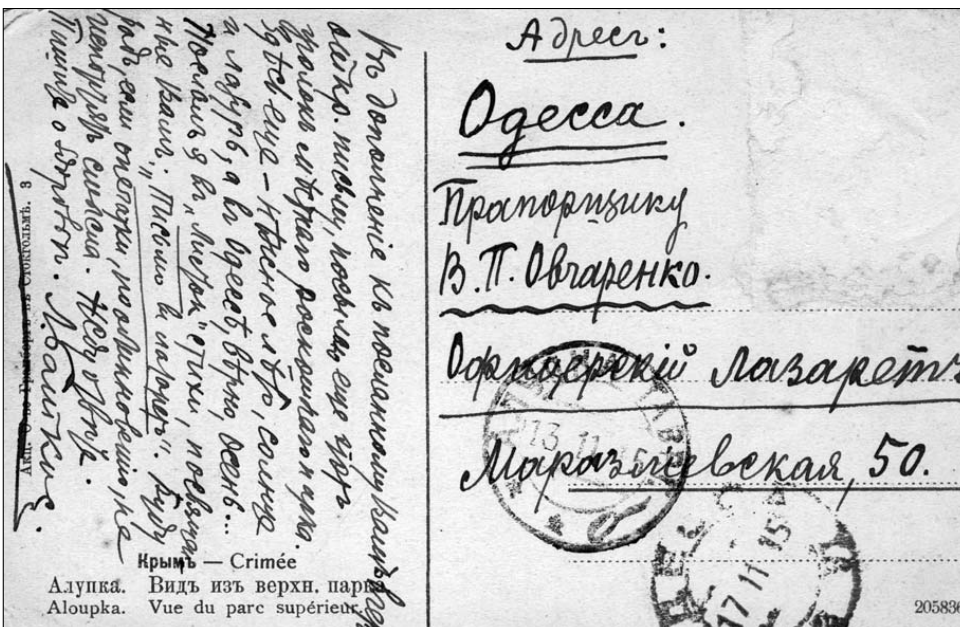
"...В приемные дни Петю "вывозили" на балкон, где, удобно подпертый подушками, он полулежал на камышовом канале, совсем невысоко над солнечной Маразлиевской улицей, на уровне молочно-белого дугового фонаря в провололочной сетке, который напоминал Пете детство и его увлечение электричеством..."

Прохожие шли туда и назад под Петей, он

лениво наблюдал, как у приближающегося человека постепенно скрадываются ноги, сокращается туловище, пока не остаются одни лишь плечи и шляпа, и человек проходит под балконом в пятнистой тени осенних платанов...

Петя, облокотясь на руку, как бы висел над этой нарядной улицей..."

Катаевское описание ясно указывает, что раненный офицер — герой автобиографической повести — сидел на балконе второго этажа. Подходящие балконы, с которых можно наблюдать созданную писателем картину,

есть только на доме Мангуби, № 50. На особняке Ближнего балкона как не было, так и теперь нет, в чем можно легко убедиться одесситам, желающим прогуляться по Маразлиевской улице.

Таким образом, оба раненных прапорщика лечились в разные годы в одном и том же офицерском лазарете на Маразлиевской. Легко убедиться, просмотрев одесские справочники 1910-х годов, что лазарет перестроили в начале войны не из особняка Ближнего, как пишет Катаев, а из "Хирургической клиники доктора Г.С. Сева", работавшей на Маразлиевской, 50, с 1 сентября 1902 года. К слову сказать, в 1915 году в прифронтовой Одессе, по данным, приведенным в "Херсонских епархиальных ведомостях" того времени, действовали 52 лазарета.

Сведения о лечебном заведении доктора Гирша Сандеровича Сева, рассчитанном первоначально на 10-15 кроватей, встречались нам в справочниках: "Вся Одесса на 1911 год", "Вся Одесса на 1914 год" и в "Адресном списке врачей в г. Одессе на 1913 год".

Последний справочник был нам недавно подарен опытным юристом, филателистом Вячеславом Шереметом. В скобках укажем, что, согласно владельческой надписи, "Список врачей" принадлежал человеку из окружения В.П. Катаева — приват-доценту Новороссийского университета, профессору Одесского медицинского института Вячеславу Карловичу Стефанскому. Сын доктора Стефанского Сергей был женат на Зое Корбул — прототипе Гандзи Траян из "Юношеского романа" В.П. Катаева, в которую писатель был безответно влюблен в юности.

Но вернемся к лечебнице доктора Г. Сева, переоборудованной в военное время в офицерский лазарет, где залечивали свои раны прапорщик В.П. Овчаренко, а позднее — прапорщик В.П. Катаев.

Наконец настало время ознакомиться с лаконичным текстом исследуемой открытки: "В дополнение к посланному Вам вчера

открытому письму, посылаю этот уголок местного роскошного парка. Здесь еще — нежное лето, солнце и лазурь, а в Одессе, верно, осень... Послал я в "Листок" стихи, посвященные Вам: "Письмо в лазарет". Буду рад, если опечатки, по обыкновению, не испортят смысла. Жду ответа. Пишите о здоровье. Л. Баткис".

Оставим без комментариев ту часть текста, которая посвящена погоде в Крыму и красоте парка Алупинского дворца. С этой частью письма все ясно, но стихи, посланные Л. Баткисом в "Листок", нас заинтересовали.

размещены стихи, посвященные В.П. Овчаренко, другого автора — Константина Подвойского — "Вы ранены опять".

Вы ранены опять,
Вы снова в лазарете!
Взор музы полон слез.
На струнах лиры — пыль.
Глубокая печаль
Стоит в вечернем свете
С поникшей головой,
Как между трав ковыль.
Пред нею — вновь поля,
Разрытые шрапнелью,
Пред нею — в ранах лес —
Без листьев и ветвей;
За лесом — вновь луга
С кровавою постелью,
Разостланной огнем
Родных богатырей.
И в сердце Вашем
Нет прилива примиренья.
В нем нет еще забот:
Пыль гнева остудить
Для солнечных бесед,
Для вести вдохновенья,
Чтоб снова звоны
Струн ликующих любить.

Другое стихотворение на тему ранения прапорщика Овчаренко "В лазарет" было написано им самим и опубликовано 4 октября 1915 года в № 271 "Одесского листка". Стихотворение написано в виде диалога между молодой воспитанницей института благородных девиц, прочитавшей о прапорщике в журнале, и им самим. Как и вся поэзия этого времени, стихи, публиковавшиеся в газете, высоко патристичны. Уверенность в победе над врагом, желание защитить свою родину — этими мыслями проникнуты все произведения первых лет первой мировой войны.

Вот строки из еще одного стихотворения под названием "Вино моей любви" Владимира Овчаренко, опубликованного в № 236 от 30 августа 1915 года:

Вино моей любви поет в твоём бокале,
Но у меня еще другая есть любовь...
И в чаше той любви — пылающая кровь.
Передо мною лик, исполненный печали.
Как верный сын, принадлежу стране.
Я не могу стоять на перепутьи.
Иду туда, где стон смертельной жути
Является в кошмарах и огне.

За год в "Одесском листке" нами обнаружены еще два стихотворения В.П. Овчаренко, написанные, пока он находился на лечении в лазарете на Маразлиевской, 50, на такой же высокой патристической ноте.

30 ноября 1915 года в офицерском лазарете состоялся вечер исполнительницы русских народных песен и романсов Надежды Плевицкой, на котором Владимир Овчаренко прочитал стихи, посвященные певице:

В Вашем сердце чарующих песен так много
Нашей русской печали родной глубины...
Вы пришли, утешая солдата родного,
Петь лихие и жуткие песни войны.
И мы слушаем Вас. Сколько ласки желанной,
Сколько ярких надежд...

Гордо ширится грудь.
Верю: тучи растают за далью туманной.
Знаю: с песней славянской

победен наш путь...
Песни, мысли, сердца нужно слить воедино,
Беспощадный для недруга выкован меч —
Вы умеете песни и мысли зажечь,
Ваше сердце поет в боевую годину.

В стихах отправителя открытки Леонида Баткиса, человека штатского, войны не ощущалось.

Пред тобою — нотная бумага.
Урожай — тусклая свеча.
Профиль твой, как мрамор саркофага,
И рука тонка и горяча...

Это стихотворение опубликовано 22 ноября 1915 года, возможно, вместо письма в лазарет, посвященного В. Овчаренко.

Юношеские стихи В.П. Катаева также печатались в "Одесском листке" в 1915-1916 годах. Некоторые из них не вошли в 10-томное прижизненное собрание сочинений, но попали в измененном виде в сборник "Избранные стихотворения Валентина Катаева", вышедший в 2010 году в Москве.

Такая вот поэтическая история вокруг старинной открытки, посланной в офицерский лазарет на Маразлиевской улице.

Авторы благодарят за содействие в написании статьи С.З. Луцка, А.Л. Яворскую, О. Барковскую, Т.В. Щурову, В.А. Михальченко.

Олег ГУБАРЬ РОССИЙСКИЙ ФРЕНСИС ДРЕЙК

Многие мемуаристы воспринимали юную Одессу как некую пиратскую базу. Если даже оставить в стороне то обстоятельство, что на первом этапе становления города и порта тут действительно собралось немало искателей приключений, подлинных джентльменов удачи, есть и другие основания поддерживать подобную версию...

Согласно указу императрицы от 19 апреля 1795 года, среди прочих намеченных мероприятий формировался Греческий дивизион в составе 330 нижних чинов, а общим числом 348 (весной 1797 года — 337 человек, из числа которых 83 непосредственно участвовали в военных действиях в Архипелаге). Фишка вот в чем: 300 человек из этого дивизиона (1795), греки и православные албанцы, незадолго до того служили в легкой флотилии знаменитого средиземноморского корсара Ламброса Кацониса (Ламбро Качиони, Каччони, Качони), включая командира этого соединения "флотского майора Константина Бицилли", тоже православного албанца (арнаута), одного из первостроителей города и порта. В составе дивизиона и так называемой Греческой комиссии (1796 г.) значится и секунд-майор Евстафий Качиони! Многие связанные с Одессой соратники Кацониса и в дальнейшем крейсировали в Черном и Средиземном морях по ходу русско-турецких кампаний, то есть фактически занимались каперством. Так известный историк, "Геродот Новороссийского края" А.А. Скальковский сообщает, что в период Отечественной войны 1812 года "хозяева купеческих кораблей просили (у герцога Ришелье. — О. Г.) патентов на крейсерство, чтобы вредить французской торговле".

Фигура Ламброса Дмитриевича Кацониса в последние годы все больше привлекает внимание исследователей в контексте новой греческой истории, нескольких этапов борьбы Эллады за независимость. Впрочем, до сих пор дебатруется вопрос о происхождении выдающегося корсара: он мог быть не греком, а итальянцем. Сторонники греческой версии полагают, что архаическая форма фамилии — Кассионис, итальянской — что Качиони. И действительно, вторая легенда выглядит довольно убедительно, ибо тогда фамилия (Cassione) переводится буквально как "большая охота", "большой корабль". Кроме того, имя Ламбро этимологически связано с одноименной рекой, на берегах которой расположен Милан. Можно трактовать иначе: Качиони (Кацонис) — итальянское прозвище "морского" греческого семейства, трансформировавшееся в фамилию.

Так или иначе, а Кацонис — высокочтимый национальный герой Греции. Пишут, что родился он в 1752 году в Ливадии (Беотия), в честь которой впоследствии назвал свое крымское имение, позднее приобретенное новороссийским генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым. Никаких внятных известий о его семействе и житье-бытье ранее 1770 года не дошло. В это время Екатерина II решила поддержать сухопутную кампанию против Турции действиями в Средиземном и Эгейском морях и направила в район Ионических островов (так называемого Архипелага) экспедицию русского флота во главе только что произведенного в адмиралы Г.А. Спиридова. Главнокомандующий экспедицией генерал-аншеф Алексей Орлов ожидал прибытия двух эскадр (вторая — под командованием Д. Эльфинстона) в Ливорно. Неясно, почему поступление Кацониса волонтером к Спиридову относят к 1769 году, коль скоро российская эскадра прибыла к берегам полуострова Морея лишь в феврале 1770 года (Пелопоннес).

Известно, что будущий корсар вступил в русскую службу вместе со старшим братом, который вскоре погиб в одном из морских сражений — вероятно, во время боя в Хиосском проливе, когда при abordage взорвались оба флагмана: российский "Евстафий" и турецкий "Реал-Мустафа". После Чесменского сражения Кацонис в составе Егерского корпуса до 1773 года включительно участвовал в ряде десантных операций против турецких крепостей и портов на Эгейском море. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Ламброс в чине сержанта служил в пехотной части в Керчи, отличился при подавлении татарских восстаний (1777-1778) и был произведен в офицеры.

В 1781 году поручик Кацонис принял участие в походе Каспийской флотилии под началом капитана 2-го ранга графа М.И. Войновича к берегам Персии. Войнович — чер-

ногорец и тоже волонтер Спиридова, то есть Ламброс был призван в это новое дело вовсе не случайно. А суть сводилась к тому, чтобы под видом карательной экспедиции против мятежных дербентского и бакинского ханов укрепиться на торговом пути в Хиву, Бухару и далее в Индию. Воспользовавшись междоусобицей претендентов на персидский престол, Войнович попытался построить укрепление на берегу Астрабадского залива, но был вероломно предан одним из них. В числе прочих офицеров Кацонис подвергся смертельной опасности, просидев две недели в темнице в колодцах, однако в итоге ситуация благополучно разрешилась. После присоединения Тавриды его возвели во дворянство, а за отличие в Персидской экспедиции произвели в армейские капитаны.

К началу русско-турецкой войны Ламброс имел колоссальный опыт морских десантных операций. В ночь с 10 на 11 октября 1787 года, командуя небольшим греческим отрядом, он скрытно подошел на лодках к большому турецкому судну, стоявшему близ Хаджибея (то есть нынешней Одессы), и успешно захватил его. Трофеем переименовали в "Князь Потемкин-Таврический", и впоследствии он активно действовал против прежних своих хозяев в составе эскадры контр-адмирала графа Н.С. Мордвинова.

В это время, сообразаясь с опытом предыдущей русско-турецкой кампании, было принято решение о формировании действующих под андреевским флагом на Черном и Средиземном морях подвижных крейсерских отрядов — легких флотилий. Официальные формулировки избегали вариантов: "каперских", "корсарских", "пиратских", хотя на самом деле Кацонис ухитрился потрошить даже суда нейтральных стран. Как бы то ни было, Мордвинов принял деятельное участие в, скажем так, инструкторовании и экипировке Ламброса. В феврале 1788 года он отправился в Вену, а оттуда Триест, имея на руках три российских каперских "аматорских патента", полученных от Потемкина, то есть документы, как бы легализующие его право вести боевые действия на море против судов одной из воюющих сторон и ее союзников. В упомянутом австрийском порту он приобрел свой первый корабль на средства греческой общины. То было трехмачтовое купеческое судно с парусной оснасткой фрегата, которое майор Кацонис вооружил 28-ю пушками и назвал в честь императрицы Екатерины "Минервой Северной". Без труда набрал команду и встал на тропу войны, началось его стремительное восхождение к славе.

Действия новоявленного корсара в Архипелаге оказались столь успешными, что возвратившись в Триест на зимовку, он располагал уже девятью кораблями и 500 волонтерами. А дело в том, что у острова Кефалония к нему добровольно присоединилось два 16-пушечных греческих судна (купеческие суда почти всегда имели вооружение в то смутное время), затем было захвачено два турецких, переименованных в "Великий Князь Константин" и "Великий Князь Александр". Легкая флотилия Кацониса свирепствовала даже у входа в черноморские проливы, под самым носом не на шутку встревоженного неприятеля. В Турции поползли слухи о том, что будто бы в Архипелаге действуют регулярные русские эскадры.

Майор Кацонис не только вел морские сражения, но захватывал мелкие береговые опорные пункты неприятеля и даже целые острова. Его "морская война" дезорганизовала турецкое судоходство, в частности, подрывала снабжение Стамбула, где вспыхивали голодные бунты. Под горячую руку лихой корсар брал на abordage и суда нейтральных держав, вследствие чего на него ополчились не только иностранные консулы, но и отечественные адмиралы, с которыми он совершенно не считался. Что касается Екатерины II, ее, судя по всему, очень тешили известия об удачах пирата, о поощениях, которые он то и дело отвешивал ненавистной Османской Порте. Ламброс был для нее тем же, кем Френсис Дрейк для английской королевы. Указом от 24 июля 1789 года императрица произвела Кацониса в подполковники за множество подвигов и усердных услуг в Архипелаге.

В апреле 1789 года она победил Дулцинскую эскадру у берегов Албании, бомбардировал значимый албанский порт Дуррес, в июне разгромил противника в проливе меж островами Сирос и Миконос. Короче говоря, флотилия Кацониса завоевала господство в Эгейском море. Она, кроме всего прочего, постоянно оттягивала на себя не-

малую часть турецких военно-морских сил и тем самым развязывала руки регулярным русским эскадрам.

Еще до своей кончины, последовавшей 7 апреля, не вполне вменяемый султан Абдул Гамид I (1725-1789) попытался, так сказать, склонить корсара к сотрудничеству, а называя вещи своими именами, подкупить. Действительно, Ламброс набирал внушительную силу — становился не просто капером, союзником России, но возмутителем национально-патриотического движения не только греков, но и югославян. Ему обещали полное прощение за содеянное, наследственное правление на любом из выбранных им греческих островов да еще 200 тысяч золотых. Пряник, разумеется, дополнялся кнута: мол, ежели Кацонис не согласится и не присягнет султану, его ждут серьезные неприятности — скорая встреча с посланными для усмирения несметными силами. Однако корсар проигнорировал это обращение и продолжил свои бесчинства.

В этот как раз момент он захватил турецкое судно, где романтически, в духе "Одиссеи капитана Блада", встретил свою будущую супругу — Ангелину Марию Софиану, дочь турецкого коменданта (грека) одного из островов в Эгейском море. И далее сюжет развивался совершенно в традициях пиратских романов: разумеется, отец не желал отдавать ее за кровожадного пирата, однако жерла орудий всей флотилии, направленные в сторону его резиденции, послужили более чем весомым аргументом к венчанию. Тогда же корсар, по сути, создал в Эгейском море прообраз будущего государства Семи Островов — как бы свое собственное островное княжество с главной базой на острове Зея, включавшее остров Андрос. Близлежащие же острова становились вассалами российской короны.

На смену маразматике Абдул-Гамиду пришел его племянник, энергичный, разносторонне одаренный реформатор Селим III (1761-1808), который, едва придя к власти, приказал любыми путями уничтожить флотилию Кацониса. С этой целью турецкие адмиралы задействовали не только собственные ресурсы, но специально снарядили в африканских владениях эскадру из 12 кораблей общим числом в 300 пушек под предводительством печально известного в те годы алжирского пирата Сеит-Али. Таким образом, в числе оппонентов выступили и свирепые мореходы-мавры, то есть арабы типа одесского "корсара в отставке Морали". Алжирские пираты — специалисты со стажем: вспомним, что еще в 1571 году, после успешного сражения испанцев при Лепанто, они пленили и продали в рабство возвращающегося к родным берегам Сааведра Мигеля де Сервантеса.

1 мая 1790 года Ламброса уведомили о появлении турецкой эскадры, состоящей из восьми вымпелов. 5 мая он вывел свою флотилию с острова Зея к Андросу, в 40 милях от которого на следующий день обнаружил 19 вражеских кораблей. Не смущаясь подавляющим превосходством противника, бесстрашный (порой до безрассудства) корсар вступил в бой с эскадрой Мустафы-паши. Сражение, впрочем, ограничилось продолжительной артиллерийской перестрелкой, не имевшей ощутимых последствий. Ночью некоторые соратники Кацониса резонно предложили ему ретироваться, однако тот посчитал неприятеля полностью деморализованным, и утром 7-го начал преследование.

Мустафа, похоже, старался избежать сражения и уйти. Не исключено, то был заранее продуманный маневр с целью выманить корсара из его логова. Во всяком случае, на горизонте, в тылу турецкой эскадры, вдруг показалась быстро приближающаяся при попутном ветре свежая алжирско-тунисская флотилия. В отличие от турецкой, она представляла собой реальную силу — Сеит-Али и его люди были того же теста, что и Кацонис с волонтерами: пираты схлестнулись с пиратами. Как водится в пиратских романах, сошлись флагманы, однако попытка abordage сорвалась, и тогда все алжирские корабли сосредоточили огонь на "Минерве Северной". Фрегат получил, как принято говорить, несовместимые с жизнью травмы, но продолжал отстреливаться. Ночью греческие галеры сняли экипаж и вынужденно сожгли свой флагман. По ходу боя превосходящие силы алжирских пиратов атаковали и брали на abordage корабли Кацониса, жестоко убивая оставшихся в живых.

Мустафа-паша, наблюдая за происходящим, со своими кораблями в деле участия не принимал. Затем соединился с алжирцами и зверски расправился с гражданским насе-

лением островов Зея и Андрос, оказывавшим поддержку побежденным. Раненному в голову Кацонису удалось спасти четыре судна (по другим данным — только два), укрывшись на острове Цериго (Китира, Кифера), впоследствии отбитом Ф.Ф. Ушаковым у французов. Этот остров в нижней части Пелопоннеса входит в число Ионических островов, один из главных культовых центров Афродиты.

К августу того же года корсарская эскадра насчитывала уже 21 корабль, однако 11-го числа Россия и Турция заключили перемирие, а 29 декабря подписали мирный договор в Яссах. Все изменилось вдруг. Кацонис получил приказ разоружить флотилию, продать часть судов, а другую отрядить для переселения в пределы империи желающих того греков и арнаутов. И три судна из этого числа действительно доставили переселенцев в Севастополь. В целом греки не приняли заключение мира. Разочарованный Кацонис и многие его соратники решили продолжить борьбу. Прославленный корсар отказался выполнять приказ о приводе всей эскадры в Триест с последующим разоружением.

Объединившись с отрядом клефтов, во главе которого стоял Георгий Андруцос, Ламброс в марте 1792 года укрепился в горной области Мани на Пелопоннесе, жители которой веками составляли оплот вооруженного сопротивления завоевателям. Эта область частично совпадала с территорией древней Спарты, а потому маньяты считали себя ее преемниками.

Склонный к авантюрам, отчаянный Ламброс объявил себя спартанским царем, тем самым опосредованно отказавшись от чина полковника российской армии. В своем широко известном манифесте, изданном в мае 1792-го на итальянском языке, он как бы от имени греческой нации объявил о продолжении войны с Турцией и после заключения мира в Яссах. Для базирования своей флотилии он избрал очень удобную бухту с узким входом, Порто-Кайло, у мыса Матапан. Не довольствуясь одной природной защитой, они вместе с Андруцосом основательно укрепили бухту, устроив при входе пять береговых батарей. Базируясь на эту гавань, пираты к этому времени контролировали всё восточное Средиземноморье, нападая практически на любые торговые суда, исключая русские и австрийские (фактически под этими флагами ходили и итальянцы, и югославяне, и греки). Здесь, конечно, досталось и французам, тайно или явно содействовавшим Османской Порте.

Селим снова стал собирать силы против ускользнувшего в свое время Кацониса. 16 июня 1792 года по новому стилю турецкая эскадра в 20 вымпелов при поддержке французского фрегата "Модест" подошла к Порто-Кайло и принялась методично, в течение трех суток, обстреливать береговые батареи и корсарские корабли. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы расчетливый султан синхронно не предпринял и других шагов. Так бея области Мани Дзанетоса Григоракиса, располагавшего семитысячным отрядом, принуждали напасть на пиратскую базу с тыла. Кроме того, в Константинополе арестовали 40 видных маниотов, пригрозив казнью, если власти области Мани не выдадут Кацониса. Полностью зависимый от Селима константинопольский патриарх устрашал маниотов отлучением от церкви, если те будут содействовать "королю Спарты".

Так корсарский король снова оказался в западне. Впрочем, бей Григоракис, как и почти все его соотечественники, сочувствовал Качиони: формально приняв турецкий ультиматум, он предложил ему и его соратникам спокойно пройти через область Мани и укрыться в другом районе Греции. Выбора не оставалось, и тогда пришлось уничтожить и все пиратские суда, и так тщательно устроившиеся батареи. Большая часть соратников Ламброса сумела выйти из окружения. Что до него, то он предпочел более опасный путь, и в сопровождении крохотного отряда отважно проскочил ночью цепь неприятельских кораблей на маленьком суденышке. Они дошли до острова Киферс, а оттуда до гомеровской Итаки.

В сложившейся ситуации Кацонис не имел надлежащей поддержки, ему не удалось найти других судов для крейсирования и завербовать команду в Архипелаге. Многих его друзей и соратников казнили или сослали на галеры, другие томились в турецких тюрьмах, где погиб и Георгий Андруцос, лишь около 150-ти выбрались из турецкого плена. Старшего сына Кацониса турки убили, дом разграбили, жену держали в тюрьме, но через полтора года маневрами российской дипломатии ее удалось вызволить. Неприкаянный

корсар вынужден был покинуть Архипелаг и вояжировать по Европе. Независимость, как известно, дорого обходится.

Наконец, в 1794 году Качиони все-таки пригласили в Россию. Воссоединившись с семьей, он в начале октября прибыл в Херсон. 7 апреля указом императрицы была создана специальная комиссия, учрежденная для рассмотрения финансовых претензий и жалоб по его флотилии. Разумеется, объяснения бывшего корсара требовались, но едва ли его вернули только по этой причине. Вероятно, назревала новая война с Турцией, и Ламброс должен был находиться под рукой. Как было уже сказано, вскоре после его прибытия в юной Одессе на базе личного состава корсарской флотилии сформировали Греческий дивизион.

20 сентября 1795 года в Царском Селе на балу по случаю дня рождения цесаревича прибывший из Херсона "полковник Ламбро Качиони" был лично представлен императрице старшим по дежурству камергером князем А.А. Кольцовым-Масальским и допущен "к ручке". Тотчас же стало ясно, что "корсар в отставке" пребывает в явном фаворе.

Скоропостижная кончина императрицы, конечно, подорвала положение Качониса, и уже 20 декабря 1796 года Павел I распорядился отправить его на Черноморский гробной флот, "в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу". В этом решении, впрочем, видится и здравый смысл: естественно, фантастически опытный военный мореход сделался бы тут колоссальной подмогой. Однако очередная турецкая кампания была отложена, и при таких обстоятельствах Ламброс не видел возможности проявить себя, всячески затягивал отъезд в захолустную тогда Одессу. Поводом оставаться в столице была не завершенная еще работа упомянутой комиссии по финансовым претензиям к его бывшей флотилии.

Когда в 1798 году деятельность комиссии закончилась, то оказалось, что не корсар задолжал казне, а как раз напротив. В результате Ламбросу выплатили огромную компенсацию (более 576 тысяч рублей!), а 31 декабря императорским указом подтверждалось его воинское звание полковника и старшинство в этом чине с 29 июля 1790 года. Еще раньше, 27 марта 1797 года, когда и так уже все стало ясно, Павел подарил ему перстень, подарок сопровождался запиской, где в самых лестных выражениях говорилось о благосклонности и уважении.

Когда осенью 1798 года эскадра Ушакова отправилась в Адриатическое море воевать с французами, Качонис вызвался на собственный кошт оборудовать крейсерский корабль и заняться любимым делом. Павел отреагировал живо и позитивно, ибо уже одно только имя "спартанского царя" воодушевило бы тысячи союзных повстанцев. Но пока Ламброс занимался оснаткой и вооружением своего судна, война завершилась. Ему не суждено было больше пиратствовать на средиземноморских просторах, и он обосновался в Тавриде, в пожалованных Екатериной поместьях. Здесь он прикупил у своих соплеменников еще одно урочище близ Ялты, где и обустроил усадьбу, названную именем родной Ливадии (Левадии). Успешный воин, Качонис преуспел и в делах торгово-промышленных, поставив на внутренний рынок и на экспорт соль из крымских озер, осетрину и белугу, сельскохозяйственную продукцию, в 1799 году основал фабрику по производству виноградной водки.

Знаменитый корсар ушел из жизни в 1805 году далеко не старым человеком. По поводу причины его смерти сложилось мнение об отравлении специально подосланным турецким лазутчиком-мстителем. Считают также, что перед смертью он успел заколоть отравителя кинжалом. Могила Качониса в Крыму до настоящего времени не обнаружена. Правда, по одной из сомнительных версий, Качонис умер в Греции, где находился с некоей секретной миссией по сфабрикованным документам. На исторической родине его глубоко и небезосновательно чтят как народного героя. В аутентичной Ливадии установлен памятник, функционирует историческое общество, носящее его имя. Именно Качониса не раз называли кораблём греческого военно-морского флота.

Несколько слов о родственном окружении Ламброса в Одессе. Его младший сын Александр (1804 года рождения) учился в Благородном институте, как раз в пору реорганизации этого в Ришельевский лицей. Выйдя из этого учебного заведения в 1819 году, служил в российской армии до 1827-го, затем жил и состоял в гражданской службе в Тавриде, за участие в Крымской кампании получил орден Святой Анны 2-й степени.

Анатолий ГОРБАТЮК ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА СТАРОЙ ГАЗЕТЫ...

Недавно мне подарили старую газету. Датирована она 10 ноября 1987 года и называется "Вечерняя Одесса", а в "подвале" последней (четвертой) полосы стоит подпись: "Редактор Б. Деревянко".

Практически вся четвертая полоса "Вечерки" посвящена откликам на статью Юрия Трусова "По неверной дороге".

Для читателя молодого, которому имя это мало что говорит, поясню: Юрий Сергеевич Трусов, скончавшийся в 1991 году в семидесятилетнем возрасте, — известный в то время одесский поэт и писатель. Особый интерес вызывала его книга "Падение Хаджибея", посвященная рождению нашего города. Правда, по прошествии времени, когда архивные материалы перестали быть прерогативой узкого круга специалистов, выясняется, что в трилогии далеко не все соответствует исторической правде.

Авторы откликов в газете на статью Ю. Трусова — выдающиеся краеведы, историки, непрекращаемые авторитеты в вопросах исследования истории нашего города, о каждом из которых невозможно не сказать хотя несколько слов: Александр Иванович Третьяк, выдающийся историк и документалист, доцент Европейского университета; известнейший краевед и коллекционер открыток, гравюр, фотографий и архивных материалов по теме "Одессика", ветеран Великой Отечественной войны, ушедший от нас десять лет назад, Владимир Адамович Чарнецкий; неутомимый исследователь одесской старины, обладатель поистине энциклопедических знаний об Одессе, скромно подписавший свой отклик "Член бюро секции "Одессика", Олег Иосифович Губарь; член Союза журналистов СССР Владимир Георгиевич Николаев, известный редактор одесских газет, не раз смотревший смерти в глаза участник Великой Отечественной войны, скончавшийся весной 1990-го; Борис Абрамович Владимировский, кандидат искусствоведения, многолетняя гордость Одесского литературного музея, руководитель кино клуба, автор великолепных газетных статей, проживающий сегодня в США, но ни на день не прерывающий связей с родным городом...

Так что же заставило этих знаменитых одесситов поздней осенью 1987 года вступить в полемику с Юрием Сергеевичем Трусовым?

Ответ прост: все они встали на защиту Первого одессита, основателя нашего города Иосифа де Рибаса. И не только его: под уничижительную, безжалостную критику Юрия Трусова так же неожиданно попали и Ришелье, и Ланжерон...

Самым удивительным (замечет в скобках — и необъяснимым) является тот факт, что в своей книге Ю. Трусов к де Рибасу, если можно так выразиться, "претензий не имеет".

Нельзя не принять точку зрения А.И. Третьяка ("И вновь на тропинку"): "Ни русский адмирал де Рибас, ни тем более А.-Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон и М.С. Воронцов... не нуждаются в какой-либо защите...", а дело в "...гражданском и общественном самосознании одесситов наших дней..."

Довольно подробно А. Третьяк рассматривает выдвинутое Ю. Трусовым обвинение де Рибаса в нечестности. Вопрос, что называется, "с бородой", — как справедливо отмечает А. Третьяк, "...Одессы еще не было ни на одной карте мира, и даже место, где ей суждено было начать свое стремительное развитие, мыслилось более чем абстрактно, а у несуществующего города были уже противники". Отсюда — люта я ненависть, в первую очередь, к де Рибасу со стороны графа Ф.В. Ростопчина, распускавшего клеветнические домыслы о главном основателе Одессы. Печально, что грязные эти сплетни становятся главным (если не единственным) доводом Ю. Трусова. Как утверждает Ростопчина, "Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта... в Хаджибее, прозванном Одессой". Приведенную цитату из Ростопчина (на нее ссылается "обличитель" де Рибаса) в своей книге "Дитя Европы" я

прокомментировал следующим образом: "Это говорилось в 1796 году. Но... в 1794 году на строительство порта было потрачено менее 40 тыс. рублей, в 1795 году — около 88 тыс., то есть всего — около 128 тыс. рублей. Может быть, кто-нибудь подскажет, как из 128 тысяч можно украсть 500, а "на остальные" еще и построить кое-что?..." И здесь весьма уместно привести замечание А. Третьяка: "Никакого официального отзыва Ростопчина о том, что де Рибас крадет по полмиллиона, не было и быть не могло, ибо за подобную клевету можно было угодить и в Сибирь. Юрий Трусов, по всей видимости, не читавший оригинал, использовал фрагменты русского перевода... частного письма Ростопчина к С.Р. Воронцову от 22 февраля 1796 г. в Лондон..."

А чем не угодили Ю. Трусову Ришелье и Ланжерон? Еще цитата из А. Третьяка: "...переходить черту, разделяющую запальчивость и голословные утверждения, как это делает Ю. Трусов, оскорбительно не только для одесского читателя, но и для отечественной истории, да и для французской тоже. Имеется в виду бестактное утверждение о предательстве родины Ланжероном и Ришелье... Действительно, Ришелье пожертвовал все свои сбережения (40 тыс. руб. — А. Г.) на борьбу русского народа против нашествия Наполеона в 1812 г.... Однако с каких это пор наполеоновские полчища стали олицетворением французского народа? Да, действительно, русский генерал Александр Федорович Ланжерон, сорок лет верой и правдой служивший России, сделал все от него зависящее, чтобы командный им русский корпус внес достойную лепту в разгром Наполеона и захват Парижа... Но оказывается, что варварское отношение к праху старого заслуженного генерала Ланжерона в Одессе имеет идейную платформу — бонапартизм..." И далее А. Третьяк приводит слова Н.Г. Чернышевского: "По ходатайству герцога Ришелье, император Александр I убедил своих союзников значительно смягчить условия мира с Францией после Ватерлооской битвы..."

... "Когда взвод идет не в ногу" — так озаглавил свою протестную статью Владимир Адамович Чарнецкий. "Зачем же изображать де Рибаса только в черных красках, обвинять его в том, в чем его до сих пор никто из недругов не решался обвинять, — в отсутствии храбрости, — возмущается В. Чарнецкий. — Уже то, что он, генерал, командующий штурмом (речь идет о взятии турецкого замка Ени-Дунья. — А. Г.), оказался у штурмовой лестницы, было проявлением безрассудной отваги с его стороны". Действительно, явный перебор — ставить под сомнение храбрость военачальника, "воевавшего" более десятилетия вражеских крепостей и получившего за взятие Измаила орден Св. Георгия 2-й степени, которым награждают тех, кто лично предводительствуя войском, возьмет крепость. Такую награду имели только восемь офицеров российского флота. Кроме того, тогда же ему была вручена шпага, усы-

панная бриллиантами... Возмущение В. Чарнецкого вполне понятно. "Как можно приводить высказывание Ростопчина, — недоумевает Владимир Адамович, — и не упомянуть о том, что он был врагом идеи основания города на месте Хаджибея, врагом де Рибаса? Что основанию Одессы, вместо Очакова, мы обязаны "интригам" де Рибаса?..." В. Чарнецкий не оставляет без внимания и, мягко говоря, "неудовлетворение" Ю. Трусова происхождением Рибаса, Ришелье, Ланжерона — одни, мол, иностранцы. Впервые ли слышать в многонациональной Одессе, которую создавала вся Европа, подобное, и в последний ли раз возвращаемся мы к этой теме?...

Вернемся к "Зигзагу удачи" В.Г. Николаева. "Публицист Трусов выступает против писателя Трусова. Очень интересное явление в местной литературе!" — саркастически восклицает Владимир Георгиевич. "Были... в нашей "фольклорной студенческой копилке" песни, думы, сказания о взятии Хаджибея, — рассказывает он далее, — и о героях боев с турками. Трубики, Головатый, Чепега, Белый — их добрым словом поминал народ, но часто поминал и де Рибаса, Как Рибас свет Михайлович

Хаджибей воевал, бусурманов погнал..."

И продолжает: "Переименовывали улицу Дерибасовскую. Не получилось!.. Видно, сильна память народная. А в народе де Рибас... всегда слыл героем Хаджибея, перво-строителем Одессы, храбрым, веселым и остроумным. Настоящим одесситом..."

Возвращаясь к теме "свои — чужие", Б. Владимировский подчеркивает, что у Ю. Трусова "чужие" — все подряд монархисты и аристократы (в качестве одной из самых страшных улик излагается родословная де Рибаса). "Свои" — сплошь республиканцы и демократы". Задается не слишком простой вопрос оппоненту: "Но как тогда быть с участием Суворова в разгроме польского восстания, в подавлении пугачевского мятежа?..." Далее идет цитата о "главном свидетеле обвинения" Ростопчине из дореволюционной энциклопедии: "Крайний консерватор и ревностный защитник крепостного права, нередко прибегал к насильственным, мало извинительным мерам". Вот это действительно довод. А чему удивляться: профессионал — он профессионал и есть...

Очень обидно, что прах выдающихся личностей, без участия которых Одесса бы просто не состоялась, лежит не в одесской земле. Я имею в виду и замечательного голландского инженера, ближайшего помощника де Рибаса Франца Павловича де Волана, по плану которого и построен наш удивительный город. Он умер в Санкт-Петербурге в 1818 году, пережив своего патрона на 18 лет, и похоронен в этом городе на Волковом лютеранском кладбище.

К сожалению, участники обсуждения статьи Ю. Трусова его даже не вспомнили, и это в какой-то мере объяснимо: замалчиваемое в годы советского лихолетья имя де Волана получило достойное звучание только в конце XX столетия, во многом благодаря уже покойному одесскому исследователю Н.Г. Глеб-Кошанскому, проведшему огромную работу в архивах Одессы и Санкт-Петербурга и показавшему истинное значение деятельности Франца Павловича во благо нашего только рождавшегося города. Организованный усилиями Николая Григорьевича музей Одесского морского порта носит имя де Волана.

Думается, что мы, одесситы, должны сделать все возможное, чтобы могилы де Рибаса и де Волана, несмотря на разделяющие нас кордоны и расстояния, всегда были в должном состоянии. С этой задачей при поддержке горисполкома вполне может справиться Всемирный клуб одесситов, тем более имея филиал в Санкт-Петербурге. Занимаясь реставрацией могилы де Рибаса (точнее, ее возрождением из небытия после варварского уничтожения) в 1989 году, я услышал немало достаточно едких замечаний по поводу того, что надгробная плита на могиле основателя Одессы никогда не видела принесенных цветов...

Вот такие мысли посетили меня поздней осенью 2010 года при чтении четвертой страницы старой одесской газеты...

корсар вынужден был покинуть Архипелаг и вояжировать по Европе. Независимость, как известно, дорого обходится.

Наконец, в 1794 году Качиони все-таки пригласили в Россию. Воссоединившись с семьей, он в начале октября прибыл в Херсон. 7 апреля указом императрицы была создана специальная комиссия, учрежденная для рассмотрения финансовых претензий и жалоб по его флотилии. Разумеется, объяснения бывшего корсара требовались, но едва ли его вернули только по этой причине. Вероятно, назревала новая война с Турцией, и Ламброс должен был находиться под рукой. Как было уже сказано, вскоре после его прибытия в юной Одессе на базе личного состава корсарской флотилии сформировали Греческий дивизион.

20 сентября 1795 года в Царском Селе на балу по случаю дня рождения цесаревича прибывший из Херсона "полковник Ламбро Качиони" был лично представлен императрице старшим по дежурству камергером князем А.А. Кольцовым-Масальским и допущен "к ручке". Тотчас же стало ясно, что "корсар в отставке" пребывает в явном фаворе.

Скоропостижная кончина императрицы, конечно, подорвала положение Качониса, и уже 20 декабря 1796 года Павел I распорядился отправить его на Черноморский гробной флот, "в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу". В этом решении, впрочем, видится и здравый смысл: естественно, фантастически опытный военный мореход сделался бы тут колоссальной подмогой. Однако очередная турецкая кампания была отложена, и при таких обстоятельствах Ламброс не видел возможности проявить себя, всячески затягивал отъезд в захолустную тогда Одессу. Поводом оставаться в столице была не завершенная еще работа упомянутой комиссии по финансовым претензиям к его бывшей флотилии.

Когда в 1798 году деятельность комиссии закончилась, то оказалось, что не корсар задолжал казне, а как раз напротив. В результате Ламбросу выплатили огромную компенсацию (более 576 тысяч рублей!), а 31 декабря императорским указом подтверждалось его воинское звание полковника и старшинство в этом чине с 29 июля 1790 года. Еще раньше, 27 марта 1797 года, когда и так уже все стало ясно, Павел подарил ему перстень, подарок сопровождался запиской, где в самых лестных выражениях говорилось о благосклонности и уважении.

Когда осенью 1798 года эскадра Ушакова отправилась в Адриатическое море воевать с французами, Качонис вызвался на собственный кошт оборудовать крейсерский корабль и заняться любимым делом. Павел отреагировал живо и позитивно, ибо уже одно только имя "спартанского царя" воодушевило бы тысячи союзных повстанцев. Но пока Ламброс занимался оснаткой и вооружением своего судна, война завершилась. Ему не суждено было больше пиратствовать на средиземноморских просторах, и он обосновался в Тавриде, в пожалованных Екатериной поместьях. Здесь он прикупил у своих соплеменников еще одно урочище близ Ялты, где и обустроил усадьбу, названную именем родной Ливадии (Левадии). Успешный воин, Качонис преуспел и в делах торгово-промышленных, поставив на внутренний рынок и на экспорт соль из крымских озер, осетрину и белугу, сельскохозяйственную продукцию, в 1799 году основал фабрику по производству виноградной водки.

Знаменитый корсар ушел из жизни в 1805 году далеко не старым человеком. По поводу причины его смерти сложилось мнение об отравлении специально подосланным турецким лазутчиком-мстителем. Считают также, что перед смертью он успел заколоть отравителя кинжалом. Могила Качониса в Крыму до настоящего времени не обнаружена. Правда, по одной из сомнительных версий, Качонис умер в Греции, где находился с некоей секретной миссией по сфабрикованным документам. На исторической родине его глубоко и небезосновательно чтят как народного героя. В аутентичной Ливадии установлен памятник, функционирует историческое общество, носящее его имя. Именно Качониса не раз называли кораблём греческого военно-морского флота.

Несколько слов о родственном окружении Ламброса в Одессе. Его младший сын Александр (1804 года рождения) учился в Благородном институте, как раз в пору реорганизации этого в Ришельевский лицей. Выйдя из этого учебного заведения в 1819 году, служил в российской армии до 1827-го, затем жил и состоял в гражданской службе в Тавриде, за участие в Крымской кампании получил орден Святой Анны 2-й степени.

Анатолий ГОРБАТЮК ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА СТАРОЙ ГАЗЕТЫ...

Недавно мне подарили старую газету. Датирована она 10 ноября 1987 года и называется "Вечерняя Одесса", а в "подвале" последней (четвертой) полосы стоит подпись: "Редактор Б. Деревянко".

Практически вся четвертая полоса "Вечерки" посвящена откликам на статью Юрия Трусова "По неверной дороге".

Для читателя молодого, которому имя это мало что говорит, поясню: Юрий Сергеевич Трусов, скончавшийся в 1991 году в семидесятилетнем возрасте, — известный в то время одесский поэт и писатель. Особый интерес вызывала его книга "Падение Хаджибея", посвященная рождению нашего города. Правда, по прошествии времени, когда архивные материалы перестали быть прерогативой узкого круга специалистов, выясняется, что в трилогии далеко не все соответствует исторической правде.

Авторы откликов в газете на статью Ю. Трусова — выдающиеся краеведы, историки, непрекращаемые авторитеты в вопросах исследования истории нашего города, о каждом из которых невозможно не сказать хотя несколько слов: Александр Иванович Третьяк, выдающийся историк и документалист, доцент Европейского университета; известнейший краевед и коллекционер открыток, гравюр, фотографий и архивных материалов по теме "Одессика", ветеран Великой Отечественной войны, ушедший от нас десять лет назад, Владимир Адамович Чарнецкий; неутомимый исследователь одесской старины, обладатель поистине энциклопедических знаний об Одессе, скромно подписавший свой отклик "Член бюро секции "Одессика", Олег Иосифович Губарь; член Союза журналистов СССР Владимир Георгиевич Николаев, известный редактор одесских газет, не раз смотревший смерти в глаза участник Великой Отечественной войны, скончавшийся весной 1990-го; Борис Абрамович Владимировский, кандидат искусствоведения, многолетняя гордость Одесского литературного музея, руководитель кино клуба, автор великолепных газетных статей, проживающий сегодня в США, но ни на день не прерывающий связей с родным городом...

Так что же заставило этих знаменитых одесситов поздней осенью 1987 года вступить в полемику с Юрием Сергеевичем Трусовым?

Ответ прост: все они встали на защиту Первого одессита, основателя нашего города Иосифа де Рибаса. И не только его: под уничижительную, безжалостную критику Юрия Трусова так же неожиданно попали и Ришелье, и Ланжерон...

Самым удивительным (замечит в скобках — и необъяснимым) является тот факт, что в своей книге Ю. Трусов к де Рибасу, если можно так выразиться, "претензий не имеет".

Нельзя не принять точку зрения А.И. Третьяка ("И вновь на тропинку"): "Ни русский адмирал де Рибас, ни тем более А.-Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон и М.С. Воронцов... не нуждаются в какой-либо защите...", а дело в "...гражданском и общественном самосознании одесситов наших дней..."

Довольно подробно А. Третьяк рассматривает выдвинутое Ю. Трусовым обвинение де Рибаса в нечестности. Вопрос, что называется, "с бородой", — как справедливо отмечает А. Третьяк, "...Одессы еще не было ни на одной карте мира, и даже место, где ей суждено было начать свое стремительное развитие, мыслилось более чем абстрактно, а у несуществующего города были уже противники". Отсюда — люта ненависть, в первую очередь, к де Рибасу со стороны графа Ф.В. Ростопчина, распускавшего клеветнические домыслы о главном основателе Одессы. Печально, что грязные эти сплетни становятся главным (если не единственным) доводом Ю. Трусова. Как утверждает Ростопчина, "Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта... в Хаджибее, прозванном Одессой". Приведенную цитату из Ростопчина (на нее ссылается "обличитель" де Рибаса) в своей книге "Дитя Европы" я

прокомментировал следующим образом: "Это говорилось в 1796 году. Но... в 1794 году на строительство порта было потрачено менее 40 тыс. рублей, в 1795 году — около 88 тыс., то есть всего — около 128 тыс. рублей. Может быть, кто-нибудь подскажет, как из 128 тысяч можно украсть 500, а "на остальные" еще и построить кое-что?..." И здесь весьма уместно привести замечание А. Третьяка: "Никакого официального отзыва Ростопчина о том, что де Рибас крадет по полмиллиона, не было и быть не могло, ибо за подобную клевету можно было угодить и в Сибирь. Юрий Трусов, по всей видимости, не читавший оригинал, использовал фрагменты русского перевода... частного письма Ростопчина к С.Р. Воронцову от 22 февраля 1796 г. в Лондон..."

А чем не угодили Ю. Трусову Ришелье и Ланжерон? Еще цитата из А. Третьяка: "...переходить черту, разделяющую запальчивость и голословные утверждения, как это делает Ю. Трусов, оскорбительно не только для одесского читателя, но и для отечественной истории, да и для французской тоже. Имеется в виду бестактное утверждение о предательстве родины Ланжероном и Ришелье... Действительно, Ришелье пожертвовал все свои сбережения (40 тыс. руб. — А. Г.) на борьбу русского народа против нашествия Наполеона в 1812 г.... Однако с каких это пор наполеоновские полчища стали олицетворением французского народа? Да, действительно, русский генерал Александр Федорович Ланжерон, сорок лет верой и правдой служивший России, сделал все от него зависящее, чтобы командный им русский корпус внес достойную лепту в разгром Наполеона и захват Парижа... Но оказывается, что варварское отношение к праху старого заслуженного генерала Ланжерона в Одессе имеет идейную платформу — бонапартизм..." И далее А. Третьяк приводит слова Н.Г. Чернышевского: "По ходатайству герцога Ришелье, император Александр I убедил своих союзников значительно смягчить условия мира с Францией после Ватерлооской битвы..."

... "Когда взвод идет не в ногу" — так озаглавил свою протестную статью Владимир Адамович Чарнецкий. "Зачем же изображать де Рибаса только в черных красках, обвинять его в том, в чем его до сих пор никто из недругов не решался обвинять, — в отсутствии храбрости, — возмущается В. Чарнецкий. — Уже то, что он, генерал, командующий штурмом (речь идет о взятии турецкого замка Ени-Дунья. — А. Г.), оказался у штурмовой лестницы, было проявлением безрассудной отваги с его стороны". Действительно, явный перебор — ставить под сомнение храбрость военачальника, "воевавшего" более десятилетия вражеских крепостей и получившего за взятие Измаила орден Св. Георгия 2-й степени, которым награждают тех, кто лично предводительствуя войском, возьмет крепость. Такую награду имели только восемь офицеров российского флота. Кроме того, тогда же ему была вручена шпага, усы-

панная бриллиантами... Возмущение В. Чарнецкого вполне понятно. "Как можно приводить высказывание Ростопчина, — недоумевает Владимир Адамович, — и не упомянуть о том, что он был врагом идеи основания города на месте Хаджибея, врагом де Рибаса? Что основанию Одессы, вместо Очакова, мы обязаны "интригам" де Рибаса?..." В. Чарнецкий не оставляет без внимания и, мягко говоря, "неудовлетворение" Ю. Трусова происхождением Рибаса, Ришелье, Ланжерона — одни, мол, иностранцы. Впервые ли слышать в многонациональной Одессе, которую создавала вся Европа, подобное, и в последний ли раз возвращаемся мы к этой теме?...

Вернемся к "Зигзагу удачи" В.Г. Николаева. "Публицист Трусов выступает против писателя Трусова. Очень интересное явление в местной литературе!" — саркастически восклицает Владимир Георгиевич. "Были... в нашей "фольклорной студенческой копилке" песни, думы, сказания о взятии Хаджибея, — рассказывает он далее, — и о героях боев с турками. Трубики, Головатый, Чепега, Белый — их добрым словом поминал народ, но часто поминал и де Рибаса, Как Рибас свет Михайлович

Хаджибей воевал, бусурманов погнал..."

И продолжает: "Переименовывали улицу Дерибасовскую. Не получилось!.. Видно, сильна память народная. А в народе де Рибас... всегда слыл героем Хаджибея, перво-строителем Одессы, храбрым, веселым и остроумным. Настоящим одесситом..."

Возвращаясь к теме "свои — чужие", Б. Владимировский подчеркивает, что у Ю. Трусова "чужие" — все подряд монархисты и аристократы (в качестве одной из самых страшных улик излагается родословная де Рибаса). "Свои" — сплошь республиканцы и демократы". Задается не слишком простой вопрос оппоненту: "Но как тогда быть с участием Суворова в разгроме польского восстания, в подавлении пугачевского мятежа?..." Далее идет цитата о "главном свидетеле обвинения" Ростопчине из дореволюционной энциклопедии: "Крайний консерватор и ревностный защитник крепостного права, нередко прибегал к насильственным, мало извинительным мерам". Вот это действительно довод. А чему удивляться: профессионал — он профессионал и есть...

Очень обидно, что прах выдающихся личностей, без участия которых Одесса бы просто не состоялась, лежит не в одесской земле. Я имею в виду и замечательного голландского инженера, ближайшего помощника де Рибаса Франца Павловича де Волана, по плану которого и построен наш удивительный город. Он умер в Санкт-Петербурге в 1818 году, пережив своего патрона на 18 лет, и похоронен в этом городе на Волковом лютеранском кладбище.

К сожалению, участники обсуждения статьи Ю. Трусова его даже не вспомнили, и это в какой-то мере объяснимо: замалчиваемое в годы советского лихолетья имя де Волана получило достойное звучание только в конце XX столетия, во многом благодаря уже покойному одесскому исследователю Н.Г. Глеб-Кошанскому, проведшему огромную работу в архивах Одессы и Санкт-Петербурга и показавшему истинное значение деятельности Франца Павловича во благо нашего только рождавшегося города. Организованный усилиями Николая Григорьевича музей Одесского морского порта носит имя де Волана.

Думается, что мы, одесситы, должны сделать все возможное, чтобы могилы де Рибаса и де Волана, несмотря на разделяющие нас кордоны и расстояния, всегда были в должном состоянии. С этой задачей при поддержке горисполкома вполне может справиться Всемирный клуб одесситов, тем более имея филиал в Санкт-Петербурге. Занимаясь реставрацией могилы де Рибаса (точнее, ее возрождением из небытия после варварского уничтожения) в 1989 году, я услышал немало достаточно едких замечаний по поводу того, что надгробная плита на могиле основателя Одессы никогда не видела принесенных цветов...

Вот такие мысли посетили меня поздней осенью 2010 года при чтении четвертой страницы старой одесской газеты...

ИЗМАЙЛЬСКИЙ РОМАНТИК

Владикавказ — город, в котором я родился, — не оставил ярких следов в моей памяти. Это была первая "потемкинская деревня" из трех, которые мне подарила судьба.

Помню, Терек распадался в центре города на несколько рукавов. С моста через Терек, если смотреть в сторону предгорий Казбека, можно было наблюдать целый ряд островков из горных булыжников и гальки. На противоположной стороне, сбросив энергию с высокой плотности, Терек превращался во что-то вроде большого пруда для городского парка, знаменитого на весь Кавказ своей красотой, комфортом и европейской планировкой, футбольным стадионом и многочисленными аттракционами для детских развлечений. Здесь было все, вплоть до парашютной вышки, мечты многих моих сверстников. Помню свой первый класс, в нем учились исключительно мальчики, учеба была раздельной — девочки учились в параллельном классе. Почему так? — до сих пор не понимаю. Скорее всего, по какой-то идеологической глупости, чем кавказскому менталитету.

Я не успел полюбить свою первую малую Родину — в конце 1953 года наша семья переехала на другую окраину страны — в Измаил под Одессой. От Владикавказа остался отложенный спрос на разгадку трагической судьбы родителей моей мамы — терских казаков Сытиных, раскулаченных в начале 1933 года и высланных из станицы Горячеисточненской (сейчас аул Толстой-Юрт под Грозным) на Алтай. У деда Василия Ивановича Сытина было десять детей от двух браков, в том числе моя мама и трое ее сестер от второго брака. Именно эту вторую семью отправили на спецпоселение. Жили трудно, но дружно. Бывший кавказский пленник (был такой эпизод в биографии деда — почти по Льву Толстому) и георгиевский кавалер первой мировой войны вернулся с семьей на Кавказ спустя семь лет. С ними уже не было Ольги, моей будущей мамы. Девочка четырнадцать лет со строптивым характером бежала из поселения под Новокузнецком и на попутных поездах добралась до Владикавказа, который она спустя два года защищала от немцев как участница народного ополчения.

Здесь она встретила моего отца — Александра Трифоновича Димова, полуинтеранца, который с отступающими частями Красной Армии прошел боевой путь от только что ставшим советским Измаила до Сталинграда, а потом попал на Кавказ и нашел свою любовь и судьбу. И это несмотря на огромную разницу в образовании — папа закончил Болградскую королевскую гимназию, получил европейское образование, знал румынский, болгарский, французский языки в совершенстве, до конца жизни читал французские романы в подлинниках. Позже отец получил высшее техническое образование, был руководителем измайльского клуба ДОСААФ и крупной автобазы. Мать полностью посвятила себя детям, безропотно выделяла мне из скудного семейного бюджета деньги на мои первые любимые книжки — "Пятнадцатилетний капитан" Ж. Верна, "Книгу чудес" Марко Поло, книги о Суворове и Наполеоне, романы Фенимора Купера. Покупала пластинки с записями оперетт Штрауса и Кальмана, либретто самых известных оперетт в семье знали наизусть и напевали любимые дунайские мелодии в минуты отдыха. Родители спокойно относились к моему интересу к нумизматике и собиранию марок экзотических стран. Они считали, что это расширяет кругозор. В то время как отец много работал, мама поощряла нашу свободу и мир увлечений.

Итак, со второго класса я жил и учился в Измаиле, городе с большой романтической историей. Без преувеличения — это был перекресток мировой истории между Европой и Азией в античные времена и Средневековье, южная часть богатейшей дунайской цивилизации, где на протяжении столетий сталкивались интересы Австро-Венгрии, Турции, России, балканских стран и народов Бессарабии. Античные городища сменялись генуэзскими крепостями, французские фортификаторы перестроили турецкую крепость Измаил, которую штурмом взяли суворовские чудо-богатыри в 1790 году. Это событие воспел в восьмой главе "Дон-Жуана" Байрон, а участники штурма Дерибас, Ришелье, Ланжерон и Деволян на флагманском корабле Дунайской флотилии могли пометать о будущей зоне порто-франко Одессы. Античные находки за городом и ближайших селах развивали мой вкус и воображение. Молодой романтик искал следы Овидия, хотя место ссылки поэта находилось в 300 км южнее в Томах (рум. Констанца), рылся в руинах турецкой крепости, слушал рассказы бывалых дунайских моряков о Тироле и сказочных альпийских городах Инсбруке, Регенсбурге, Пассау. А на измайльском базаре (базаре, а не рынке) по торговым рядам ходил со свитой чиновников первый секретарь Измайльского обкома партии, дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров и ударами пар-

Владимир ДИМОВ

ГЛАЗАМИ ЧАЩКОГО

Так будет называться очередная книга Почетного члена Всемирного клуба одесситов — Владимира Александровича Димова. Подзаголовок к книге вводит читателя в биографию автора: "Об одесском романтизме, университетском свободомыслии и реформах, которых не было". Сегодня мы предлагаем читателю несколько первых глав этой книги, которая выйдет в Москве весной 2011 года.

тизанской нагайки умирал явных спекулянтов, таким образом "регулируя" потребительские цены. В соседнем дворе на нашей улице Толбухина жил адъютант героя гражданской войны Григория Котовского дед Иван Смирнов и капитан легендарной подлодки Черноморского флота Павел Александрович Чернов, герой обороны Одессы и Севастополя. Для молодого любознательного ума источников размышлений и переживаний было более чем достаточно. Но главными кумирами и воспитателями стали трое моих школьных наставников.

Первым из них был учитель истории соседней средней школы № 15 Сергей Иванович Кирилюк, автор краеведческой книги об Измаиле и Бессарабском крае. Его патриотическое сознание сформировала война, он искренне считал, что низовья Дуная еще тысячу лет были исконно русскими землями, населенными славянскими племенами со времен похода киевского князя Святослава в Дунайскую Болгарию. Все войны с турками были справедливыми со стороны России, так как речь шла о возвращении исконно русских земель в состав империи (Бессарабия вошла в состав России только в 1812 году). Имена Суворова и Кутузова произносились Сергеем Ивановичем со священным трепетом. Он считал, что благодаря их подвигам мы живем сегодня на благословенных берегах Дуная, где итальянское солнце, бескрайние плантации виноградарей и черешневых садов, весной устойчивый запах цветущих акаций и бесчисленные археологические древности под ногами. Здесь живут совершенно особые люди, изначально считавшие вопрос о национальности недопустимой формой ксенофобии.

Действительно, Бессарабия являла собой букет десятков национальностей окраины СССР, была одним из осколков Европы в большой стране. Все это было предметом особого бессарабского патриотизма Кирилюка. У него как историка была "ахиллесова пята" — он слабо знал классиков и источниковедение. Во время первого знакомства в квартире Сергея Ивановича, к которому я пришел показать горсть найденных мною античных монет, была заключена конвенция — я стал его консультантом по нумизматике. Я тоже не всегда все понимал, начал переписку с Эрмитажем (почему-то мне больше отвечал Игорь Спасский, которого я считал специалистом по русским монетам). Сергей Иванович относился ко мне как своему ученику в нешкольном смысле этого слова, у нас были общие творческие планы (мне было 15 лет). Через три года я ушел в армию, он писал мне в Сталинград, несмотря на тяжелую болезнь. Потом все это сразу оборвалось, осталась память и чувство неисполненного долга и вины перед первым учителем, дружба с которым определила мою творческую судьбу на долгие годы.

Может быть, он искал истину несколько наивными способами, но никогда не лгал и был независим, писал статьи и книги не по заказу, а по зову сердца и нравственному императиву. О его бескорыстии ходили легенды. Значительно позже я посмотрел фильм с бессарабским сюжетом, где Игорь Костелевский играет учителя астрономии, влюбленного в прекрасную куртизанку из Бухареста (ее играет Вертинская). Кирилюк в жизни был учителем для немногих, он преподавал особую науку историю, которая была так же далека от убийств, как астрономические шутки героя Костелевского. Науку, форма существования которой — утопия. Это больше чем профессия, это мудрость чужака.

Школьнику Вове Дымову (только при выдаче аттестата зрелости мне заменили невестку откуда появившуюся еврейскую фамилию на Димова) повезло с русской литературой, которую преподавал в средней школе № 16 завуч Семен Лазаревич Абель. Когда преподаватель фанатично любит свой предмет, — эта любовь и интерес быстро передаются детям. Абель был не просто учителем, он был собирателем

прижизненных изданий русских классиков. На уроки он иногда приносил первые издания Пушкина, Лермонтова, Гоголя. И в каком виде — в издательских обложках и переплетах XIX века! Старая русская книга стала частью мира моих увлечений, она вводила не только в тексты, но и в творческую атмосферу русских поэтов и писателей. Абель навсегда сделал меня пушкинистом. Выступая в 1999 году в Пушкинском доме, вспомнил эту трогательную историю про Измаил и Абеля. Вспомнил нервный трепет, когда увидел домашнюю коллекцию прижизненных тетрадок "Евгения Онегина", тогда я получил в подарок от Семёна Лазаревича отдельный том сочинений барона Брамбеуса (востоковеда и журналиста Сенковского — современника А.С. Пушкина). К сожалению, этот первый в моей жизни книжный раритет сохранить не удалось.

Абелевские уроки поражали деталями, которых мы не находили в учебниках. От Абеля я впервые узнал о дружбе Пушкина и Липранди (кстати, они вместе посетили Измаил в период южной ссылки поэта), о его связях с будущими декабристами. Впервые прозвучало имя Петра Яковлевича Чаадаева как старшего друга и наставника поэта. От Абеля сохранилась традиция читать полные собрания сочинений — в них бездна недоступных большинству деталей биографии и творчества. Только они создают ощущение подлинности от личности автора, позволяют трезво оценить последующие идеологические наслоения. Абель воспитал во мне интерес к литературному творчеству — и это без преувеличений. Он умер, когда начались мои первые литературные опыты. Иногда мне кажется, что ему не удалось реализовать самого себя, но потом воспоминания отзвуки своих одноклассников и отказываюсь от своего пессимизма — ему ведь действительно удалось посеять в наших душах умное, прекрасное доброе русское слово и в отдаленной советской провинции привить своим ученикам любовь к русской культуре. И еще один урок для будущего автора "Всей Одессы": Семен Абель всегда был и останется для меня русским человеком, всегда и при всех обстоятельствах.

Третий мой наставник был тренером детской спортивной школы. Арнольд Александрович Лещинер, или просто Арнольд, был ярко выраженный эстет. Познакомились мы с ним в Межрейсовом клубе отдыха иностранных моряков у моего дяди Михаила Трифоновича Димова, который многие годы был главным переводчиком Советского Дунайского пароходства. Арнольд был одним из лучших на Украине тренеров по легкой атлетике, его воспитанники были участниками европейских и мировых первенств, призерами и чемпионами СССР. Скажу сразу, он выбрал меня не как перспективного спортсмена (мое "высшее" спортивное достижение — чемпион спортклуба МГУ по тройному прыжку в 1968 году). Скорее ему нужен был собеседник, воспитанник духовного плана. Если любовь к итальянской живописи во мне воспитал Стендаль, то Арнольд научил меня разбираться в итальянской опере. Его интересы не ограничивались оперой, мы часами слушали в клубе итальянскую и румынскую эстраду, народные тирольские мелодии. Человек свободной профессии, меломан и теннисист, он был единственным персонажем из моего внешкольного окружения, позволяющим себе вслух комментировать политические новости и идеологические перегибы. Мы много спорили о современной истории. Он был в ужасе, когда узнал, что я сдал экзамены на матроса II класса и стал готовиться к морской карьере. Со второго захода матрос Димов стал студентом философского факультета МГУ (слабое утешение для историка!), а спустя два года в поисках "железных законов" истории перевелся на экономический факультет. Помню его последнее письмо ко мне уже из Киева, где он критиковал меня за это решение. К философии он относился лучше, чем к экономистам, может быть, потому что сам был философом.

Главное в его личности было искусство жизни, которым он владел в совершенстве. Более интересного и гармоничного человека я, пожалуй, больше не встречал. Всегда в отличной физической форме, блестящий собеседник, знаток музыки, поэзии и юмора, он был украшением любой компании, вокруг него всегда были интересные люди, составлявшие абсолютно реальный клуб Арнольда. Есть вещи, которым нельзя научиться по книжкам, нужен пример. Красоту жизни мне открыл Арнольд, он же научил своих воспитанников правилам жесткой конкуренции в спорте и в жизни. Для многих своих воспитанников — Саши Чадаева, Артема Москалева, Миши Семенцова, Зины Выходченко, Вадима Царева, меня — Арнольд остался эталоном русского европейца. Он сумел увидеть в нас, подростках, искры таланта, поддерживал нас и вытаскивал на другие духовные орбиты. И делал это бескорыстно и с полной отдачей душевных сил.

Свою книгу "Вольный Дунай" я посвятил Сергею Ивановичу Кирилюку, Семену Абелю и Арнольду Лещинеру — спутникам моей счастливой измайльской юности. Им я обязан своими горизонтами исканий, измайльским интернационализмом, привязанностью к либеральным ценностям Старой Европы. Некоторые одесситы в 1999 году сетовали на то, что автор "Всей Одессы" не одессит, а уроженец провинциального Измаила. Это говорили люди, в головах у которых глухая провинция. Горжусь, что свою юность провел в самом романтическом городе в мире и что у меня были такие учителя-романтики.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПРИСЯГА

Меня призвали в армию после первого неудачного поступления на исторический факультет МГУ. Мало было знать всех римских императоров или маршалов Наполеона. Надо было уметь идеологически препарировать факты и артефакты.

Мне повезло в том смысле, что я попал служить в город, который защищал мой отец в 1942 году. Это было не чья-либо импровизация, это была просто судьба. Сталинград только что был переименован Хрущевым в Волгоград, но сталинградцы поколения середины 1960-х не приняли такой формы борьбы со сталинизмом. Конечно, это был идеологический перегиб Хрущева, никто тогда не удосужился разделить Сталина, сталинизм и Сталинград, священное место подвига советского народа во второй мировой войне. Уважаю Эль-Аламейн англичан и атолл Мидуэй американцев, их победы в 1942 году, но Сталинград стал главной точкой перелома в войне. Это бесспорно. Спорно другое: почему в Париже до сих пор есть площадь Сталинграда, а базальное Волгоград перекочевало в Москву под именем Волгоградского проспекта. Это и есть стыдливый патриотизм наших политиков со сталинскими взглядами. Я больше верю оценкам де Голля, который нашел время, силы и достойные слова во время посещения Сталинграда в 1965 году.

Моя присяга в этом городе стала символической: бессарабский юноша дал клятву служения большой Родине с аббревиатурой СССР. Этой клятве я никогда не изменял. Распад СССР был не результатом козней внешних врагов, это был естественный исход для политической системы самодержавия (императоры, цари, генсеки, президенты и т. д.), отсутствия механизмов саморазвития и конкуренции. Коммунистическая вертикаль власти исчерпала себя. Поверьте, за тридцать лет я не смотрелся во власти таких деталей и признаков увядания режима, его агонии, что в этом не сомневался. После первого года службы (из трех) я был направлен в Подмоскovie на годовичные курсы помощников замполитов час-

тей и соединений по комсомолу, потом продолжил службу и комсомольскую стажировку в Сталинграде.

Летним вечером 1965 года с высоты четвертого этажа заново отстроенной казармы учебного полка я, двадцатилетний помощник замполита по комсомолу, наблюдал странную картину: вдоль всей дороги, ведущей к центру Сталинграда, в спешном порядке устанавливался многокилометровый зеленый забор. Замысел этой затеи, видимо, заключался в том, чтобы прикрыть незастроенные районы города, где по оврагам ютились многочисленные землянки. Либо властям перед кем-то было очень стыдно, либо они решили кого-то обмануть. Наутро все выяснилось, потемкинские заборы предназначались для президента Франции Шарля де Голля. Судьбе угодно было распорядиться так, что через день я стоял в оцеплении на площади Павших бойцов (где был взят в плен в подвале универмага фельд-маршал Паулюс) и буквально в трех десятках метров от себя увидел великого человека. Генерал оказался выше, чем я предполагал, он был одет в полувоенный френч и что-то взволнованно рассказывал своим спутникам.

Генерал обратился к собравшимся по-русски: "Граждане героического Сталинграда!". Слово "Сталинград" он произносил с каким-то мягким акцентом — что-то вроде "Стальинград" — по всему было видно, что встреча со Сталинградом и сталинградцами искренне волнует его. Потом генерала повезли на Мамаев курган, где только что был завершен скульптором Вучетичем мемориальный комплекс, посвященный защитникам Сталинграда.

За три года я полюбил Сталинград, по долгу службы организовывал встречи с ветеранами Сталинградской битвы, гостями города. Помню встречи с бывшим командующим армией Сталинградского фронта Трофимом Калиловичем Коломойцем, знаменитым летчиком Кожедубом, разведчиком-нелегалом Рудольфом Абелем.

Бывший чапаявец Т.К. Коломиец в годы войны оборонял Одессу, Севастополь и Сталинград. В начале 1943 года во время тяжелейших боев на Сталинградском направлении Сталин неожиданно сместил Коломойца с должности командующего армией. И его имя надолго исчезло со страниц книг и монографий. Во время первой личной встречи исповедь ветерана потрясла меня. Даже сейчас эта правда кажется слишком неудобной для военных историков. А тогда, в 1965 году, я напрямик спросил старика: "За что вас не любил Сталин?". Генерал вдруг как-то обмяк, на его глазах появились слезы. — "За жалость к русскому солдату". Голос его дрогнул, но он быстро взял себя в руки. Тем не менее, как и многие сталинградцы, Трофим Калилович не признавал переименования Сталинграда в Волгоград. Он считал, что эта инициатива Хрущева (или серого кардинала партии Суслова) будет отменена как историческая несправедливость, как пример национального унижения и принижения нашей победы.

В Сталинграде меня рекомендовали на должность секретаря обкома ВЛКСМ по патристическому воспитанию, дважды я был делегатом областных конференций. Я отказался, сказал, что буду поступать в Московский университет. Старшие товарищи обиделись, прослужив три года и месяц, я уезжал в Измаил один и в подавленном состоянии. И вдруг на привокзальной платформе увидел своего замполита, подполковника Анатолия Павловича Ратковского. Максимально шагнули друг к другу и крепко обнялись, без слез и благодарностей. Впереди была университетская жизнь.

УНИВЕРСИТЕТ ЛОМОНОСОВЫХ

Я всегда любил учиться. Летом 1963 года медалист Вова Димов из далекого бессарабского города Измаила, знаменитого по суворовскому подвигу 1790 года, поступал на исторический факультет МГУ. Ученик измаильского краеведа Сергея Ивановича Кирилюка был влюблен в историю. И эта любовь не ограничивалась чтением греческих и римских историков. В "круг чтения" входил университетский курс истории Древнего Рима Н.М. Машикина. Большим подспорьем в изучении французской истории был большой иллюстрированный "Petit Larousse", подарок дяди — Владимира Трифоновича Димова. К любимым книгам относились "Спартак" Джованьоли и трилогия Яна "Чингисхан" — "Батый" — "К последнему морю". Во мне было много энтузиазма и оптимизма, дядя обещал рекомендацию в МГУ от своего бывшего партизанского командира, первого секретаря компартии Молдавии Бодюля. Но я не понимал, на что замаскулся. Измаильский медалист провалил практически все экзамены: сочинение — 3, история — 4, русский устно — 3, английский — 4. Конечно, было состояние шока и досады. Особенно досадовал на "четверку" по истории — много наговорил экзаменатору о великом противнике Рима понтийском царе Митридате VI Евпаторе, но не сумел дать внятную "классовую" оценку восстания Савмака. Тема-то была своя, родного Причерноморья.

Впоследствии я все-таки признал все оценки истфаковских преподавателей объективными. Литературу надо знать не по учебникам, чтобы писать грамотно, надо больше писать. И главное, исторические факты — это еще не история. Эти признания пришли со временем. А пока предстояло идти в армию. На втором году службы в Сталинграде-Волгограде поступил во Всесоюзный заочный финансово-экономический институт, — чтобы не отстать безвозвратно. В 1967 году после армии и полутора лет учебы забрал из ВЗФЭИ документы и вновь вернулся в МГУ. На философский факультет поступал благодаря случаю — поздно приехал в Москву, а на истфаке документы уже не принимали. И тут моя неразделенная любовь к истории сыграла со мной приятную шутку. Первым был экзамен по истории СССР.

Вхожу в аудиторию в старом здании философского факультета на Моховой, беру билет. По внешнему виду, конечно, я уже не напоминаю школьника, все-таки офицер запаса. Первый вопрос — о международном положении России перед нашествием Наполеона 1812 года. Второй — что-то про Семнадцатый съезд — "съезд победителей". Я смотрю на экзаменаторов. "Идите готовьтесь", — говорит как-то доброжелательно один из них. "А можно я буду отвечать сразу?" — неожиданно спрашиваю я. "Что ж, попробуйте", — слышу я неуверенный ответ. И тут я понял, что совершил самонадеянную ошибку, что в подобных ситуациях нормальные зрелые люди так себя не ведут. Но отступить было некуда, во мне проснулся отчаянный игрок. Только ставкой был университет. Меня понесло. Я стал рассказывать о политических интригах Наполеона против России — в Польше, Швеции и Турции, что России грозила в 1812 году война на три фронта — с Великой Армией Наполеона на московском направлении, новая война с Турцией на нас и война со Швецией, где наследным принцем стал бывший наполеоновский маршал Бернадотт. Не останавливаясь, перешел к романтической биографии революционера на шведском королевском троне — о любовном треугольнике Наполеон — Дезире Кларе — Бернадотт, об устоячивой неприязни Наполеона к своему маршалу, его подозрениях в нелояльности. Потом перешел к Сухтелену 1-му и Кутузову, двум мирным договорам весны 1812 года. И тут меня остановили. В руках у меня была зачетка. Я вышел за двери, кто-то вырвал у меня из рук зачетку и выдохнул: "Пятерка". Я был близок к обмороку — все это означало, что я как медалист буду зачислен в университет. Дальше я стал действовать по еще более глупому сценарию: дождался конца потока экзаменующихся и пришел со словами благодарности. "Приходите к нам на кафедру. Нам кажется, что вам интереснее было бы учиться у нас, на историческом", — услышал я. Я обещал, но не пришел. Надо было выполнить множество формальностей, потом события на философском факультете поглотили меня полностью.

"КЛУБ-307" НА ЛОМОНОСОВСКОМ

В комнате 307 четвертого корпуса студенческого общежития были поселены Сережа Кирин, сын профессора математики Вологодского пединститута, Саша Трофимов из Краснодара, Володя Федоров из далекого сибирского города Ишим и я. Что нас объединяло? Во-первых, все мы поступили в университет не со школьной скамьи, за плечами каждого из нас был определенный житейский и профессиональный опыт. Во-вторых, все мы жили ощущением неизбежных перемен и прошли по жизни школу здоровой деидеологизации. К партийным ценностям мы относились как к неприятному соседу, с которым обречены поддерживать хорошие отношения, улыбаться и говорить "здравствуйте". И, в-третьих, мы не были карьеристами. Никто из нас не мечтал сделать партийную карьеру или попасть в госаппарат. Платы были другого свойства — получить достойное образование и по возможности понять, в чем наша судьба, судьба нашей страны, куда движется мир. В этом смысле мы были максималисты. Нас связывала настоящая мужская дружба, в течение года мы жили студенческой коммуной, поддерживая друг друга материально, оберегая товарищей от многочисленных угроз, которые исходили от администрации и комсомольских активистов, сторонясь стукачей и не в меру благонадежных. Мы делились идеями, восхищались одними и теми же книгами, имели общих друзей и знакомых, вместе ходили на лекции опального философа Асмуса или на концерты в Малый зал консерватории по бесплатным абонементам. Каждый из нас ежедневно делал собственные открытия и делился ими с друзьями. Наша дружба была непритязательна, но надежна. К нам потянулись!

"Клуб-307" стал местом, где собирались советские и иностранные студенты. Примечательно, что было много москвичей. Мы никому не навязывали своих оценок и вкусов, но с нами считались. Но вместе с тем мы были разные. Сын профессора-математика Сережа Кирин прекрасно разбирался в новой для нас дисциплине — математической логике, и был

на хорошем счету у профессора Евгения Казимировича Войшвилло, который читал нам этот курс. В качестве специалиста по матлогике Сережа опекал всех нас. Я был "влюблен" в Валентина Фердинандовича Асмуса, не пропускал ни одной его лекции и слыл специалистом по античной философии. Сашу Трофимова интересовала музыкальная эстетика, это благодаря ему мы окунались в мир хорошей музыки и музыкантов, тратили и без того скудные студенческие средства на пластинки и музыкальную литературу. Вову Федорова интересовали вопросы познания и философские проблемы современной науки.

В начале второго семестра один из членов нашего "Клуба-307" "забастовал". Саша Трофимов перестал ходить на лекции и семинары, лежал или сидел в своем углу и безотрывно читал небольшую книгу в розовой обложке. Всем своим видом и поведением он давал знать, чтобы ему не мешали. Мы были заинтригованы. Книга называлась "Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания Серена Киркегора". Автором ее была Пиамма Павловна Гайдено, недавняя аспирантка В.Ф. Асмуса, специалистка по зарубежной философии. Примечательно, что книга Гайдено вышла в издательстве "Искусство".

Книга была новая, в библиотеке ее еще не было, поэтому мы читали ее долго и основательно. Книга учила не философии, не истории мысли, книга учила философствовать. Мы в университете были подвержены всем ветрам перемен и влияний, но ко всему относились критически. Зачастую новые идеи оказывались переделом хорошо забытых старых. Мы уже знали в общем виде, что такое экзистенциализм, читали Сартра и Камю. Но чаще всего относились к ним как представителям литературного модернизма. Модные термины "экзистенциальный выбор", "пограничная ситуация" то и дело мелькали в студенческих разговорах, но это были не более чем разговорные штампы.

Книга П.П. Гайдено вводила читателя в основную проблематику экзистенциализма, да еще на каком примере — личной судьбе и эволюции взглядов самого Серена Киркегора, родоначальника экзистенциализма. В каждом из нас было немало природного романтизма, и книга обещала философское повзроление. Миросозерцание Киркегора возникло на основе католической триады. Каждый человек в своей жизни должен последовательно пройти эстетическую, нравственную и религиозную стадию. Но опыт подсказывал, что это движение у каждого человека протекает индивидуально. Есть поэты и художники, так и не преодолевшие нравственного барьера, учителя и ученые, ни разу не обратившиеся к Богу, но есть масса верующих, чуждых прекрасного, чья эстетика не идет дальше природных инстинктов и народных суеверий.

Книга Гайдено рассчитана на интеллектуалов. Пока идет речь о личной судьбе Серена Киркегора и его трагической любви к Регине Ольсен, — все близко и понятно. Но вскоре читатель убеждается, что речь идет о чем-то большем, речь идет не только о фигуре эстетика, но и об иронии как способе его мышления и существования. Ирониками были Сократ, Шиллер и немецкие романтики, ироником был и ранний Киркегор. Ирония — это патологическое состояние души. И только через диалог красоты и добра можно преодолеть эстетизм и обрести нравственную позицию. Но есть еще одна разновидность эстетизма — демонический эстетизм, и только ему присуще особое чувство трагической вины. Стадии демонического эстетизма представляют Дон Жуан и Фауст, Нерон и рыцарь веры Авраам. Эстетиков этого рода ожидают состояние отчаяния и абсурда либо спасительная вера.

Я сознательно опустил в этом изложении многие детали. Что следовало из идей этой эпохальной в духовном отношении для "Клуба-307" книги? Во-первых, есть вечные вопросы существования, по которым каждый должен принимать собственное решение и делать свой выбор. Ни политическая история, ни смысл мировой истории, ни научно-технический прогресс, ни Система и Коллектив здесь не помощники. Во-вторых, достоинство человека определяется только им самим, а не принадлежностью к Системе. От этого вывода только один шаг к тезису, что свобода человека и его ценности выше интересов тоталитарного государства. Мужичина — это не человек с чином, как иронизировал А.П. Чехов в записных книжках, в демократическом обществе главная ценность — это сам человек.

ФИЛОСОФ АСМУС

Я впервые увидел Асмуса в 1967 году на установочной лекции, которую он читал на философском факультете Московского университета (старом здании на Моховой). Аудитория была забита до отказа. Кроме преподавателей и студентов было много старых почитателей Валентина Фердинандовича — поэты, писатели, музыканты. У всех на свежей памяти было событие большого общественного звучания — смерть Б.Л. Пастернака и выступление Асмуса в Переделкино. В огромной стране нашелся такой человек, который вслух назвал автора ан-

тисоветского романа "Доктор Живаго" классиком русской литературы. Читал Асмус неторопливо, просто и доходчиво объяснял начинающим, что философия — это не только профессия, это — призвание, и лучшие учителя — классики мировой философии. Чаще всего в его речи звучали имена Платона и Канта.

Потом мне посчастливилось прослушать спецкурс Валентина Фердинандовича по истории античной философии, и первое мое впечатление оказалось правильным. Его олимпийская невозмутимость, сдержанность, какая-то особая интеллигентность создавали для окружающих несвойственный для эпохи образ мыслителя от Бога, через которого из глубины веков передают нам эстафету знания и мудрости Сократ и Платон, Декарт и Кант, Гете и немецкие романтики. Священные тексты зажигали его — у слушателей порой создавалось впечатление, что устами Асмуса вещают божественный Платон или олимпиец Гете. Перевоплощение невозмутимого Валентина Фердинандовича было подарком только для тех, кто был признан им участником равноправного диалога, не был карьеристом или "пустым местом".

Асмус был немец или, как он любил называть себя, обрусевший немец. Его предки приехали в Россию из Виттенберга. Первые этапы его восхождения к высотам европейской науки были связаны с Екатеринбургским реальным училищем и Киевским университетом, среди выпускников которого была еще одна философская знаменитость — Николай Бердяев. С малых лет Асмуса сопровождала музыка Моцарта и Верди, Глинки и Чайковского. Среди любимых опер — "Фауст" Гуно и "Кармен" Бизе. В дальнейшем молодой философ отдавал предпочтение серьезной симфонической музыке. Но главным университетом оставалось чтение классиков.

О его прошлом в двадцатые-сороковые годы ходили легенды. В этот период он писал отнюдь не много. В общественном сознании за ним закрепилось место "философской тени" Н.И. Бухарина, некоторые запальчивые марксисты называли его "воинствующим кантианцем" и даже "последним меньшевиком". Асмус молчал. Он избегал грязных дискуссий в духе времени. Круг его друзей был невелик — музыканты Генрих Нейгауз и Мария Юдина, опальный философ Алексей Лосев, поэт Борис Пастернак. Сохранился портрет профессора В.Ф. Асмуса фотохудожника Напельбаума начала 1940-х годов. Сосредоточенное выражение лица, плотно сжатые губы, он готов к самому худшему. Но Сталин не тронул ни Пастернака, ни Асмуса. В сталинской библиотеке были книги молодого профессора. Интуитивно "вождь народов" понимал, что Асмус — философ европейского уровня. Когда неизбалованный вниманием Валентин Фердинандович попросил у власти разрешения приобрести в Германии домашний телескоп, то этим вопросом занимался сам председатель Совнаркома В.М. Молотов. Вечный бег звезд и философия — это где-то рядом, — решили наверху. Но в 1947 году Асмус был подвергнут уничтожающей критике как один из авторов трехтомного издания "Истории философии" под редакцией Г.Ф. Александрова. Асмус наряду с Зощенко и Ахматовой стал идейным врагом властей и "серых кардиналов" партии Жданова-Суслова. Двадцать лет его выдвигали в академики — отказ. Власти смирились с тем, что Валентин Фердинандович стал почетным членом Международного института философии в Париже, но тут же отомстили — Асмус по-прежнему оставался невыездным. Его работы о Гете, Канте, историко-философских проблемах знали в крупнейших научных и университетских центрах Европы, а ему был запрещен выезд даже в страны народной демократии. Власти его боялись. И это было вплоть до его смерти в 1975 году.

В последние годы все чаще говорят о духовном трио — Б. Пастернаке, М. Юдиной и В. Асмусе, противостоящем властям. Реально довольно сложно отделить духовную составляющую их дружбы от политической. Надо было иметь смелость, чтобы в 1965 году заявить партийным оппонентам: "По поводу "Доктора Живаго" ничего сказать не могу и никаких рецензий писать не буду. Вот публикуете роман — тогда поговорим". Так с властями мог говорить только человек, уверенный в своей правоте и с собственным взглядом на будущее.

Летом 1968 года, наслушавшись Асмуса и обретя пьянящее чувство свободы и достоинства, студенты толпами ездили на могилу Пастернака. А по вечерам в студенческом общежитии на Ломоносовском проспекте обсуждали университетские новости, новые подробности из старых легенд о любимом профессоре и удивлялись природному чуду — на могиле Бориса Леонидовича вырос хрупкий колосок пшеницы — прямо из сердца, — комментировали самые эмоциональные. Спустя годы я согласился с ними — чем не знамение века?

Я не был аспирантом Валентина Фердинандовича, не был знаком с его семьей, не стал профессиональным философом, но Асмус стал неотъемлемой частью моей духовной биографии. Это неизмеримо больше, чем его автографы в старой студенческой зачетке.

Продолжение следует.

Александр ДОРОШЕНКО БЕДНЫЙ НАШ ЙОРИК

Михайловская улица,
номер первый, примерно 1949 год

В "небесах моего Вифлеема" если и горели знаки, то говорили они о прошедшей войне, бедности и утратах. Мальчишками на громадных наших молдаванских дворах мы играли в войну, и лучшими игрушками у нас были стреланные гильзы. Их было много на многочисленных развалках разбомбленных домов. Такие развалки были на каждой улице. Остатки разрушенных домов оплывали, обрастали мусором, зарастали травами. Зимой там были места, где мы делали "скользянки" для ног и санок. Все санки тех времен были самодельными. Пару раз на чердаках мы находили немецкие "шмайсеры", но взрослые их немедленно отбирали. Трофейные, роскошных изгибов и форм, стояли в наших дворах "Мерседесы-Бенцы", и были они много привычнее только что появившихся отечественных "Побед". Странность в том, что формы этих машин предшествовали моему приходу в жизнь, но все, что произошло с их изменением в течение моей жизни, мне чуждо. Что-то оказалось утраченным. Там, в тех ушедших овалах и переходах, и романтических крыльях "Мерседес-Бенцев" и "Роллс-Ройсов", и "Хорьхов" была прагматичность аэродинамики и удобство подножек, но кроме было что-то еще, более важное, чем вся прошлая и нынешняя прагматичность, утерянное с тех времен и пока навсегда.

В тех машинах была аристократичность, достоинство духа и высота самооценки, нынешние стали просто транспортом, средством перемещения, символом нашей неумной поспешности.

У меня сохранилась фотография тех времен, на ней мне пять-шесть лет. Этот снимок сделан у нашего палисадника, видимо, отцом или мамой. Стою я рядом с двумя своими корешами с нашего двора и одеждой ничуть среди них не выделяюсь, хотя семья наша была благополучнее многих. Только шапка на мне необычна — кожаная летчицкая шапка, отороченная мехом и с длинными наушниками (так выглядят уши у спаниеля, но в те поры мы не знали никаких породистых собак, а любили своих, дворовых, смелых и верных псов). Шапка эта была моя гордость — такой не было ни у кого!

Мы пришли в странный мир, полный призраков и фантомов. Прямо за воротами моего дома, через дорогу и наискосок была развалка обувной фабрики. Мы там находили обертки кожи. За угол и влево, по периметру Зеленого сада, через два дома, с фасадами, поставленными полукругом, была еще одна, намного большая развалка. Через сад, как по стрелке компаса, отклонявшей к северу наши сердца, развалок было подряд несколько, там выпали из чрева самолета сразу несколько

ко бомб. На той развалке в подвалах домов жили строители-немцы, военнопленные, а вся территория была обнесена колючей проволокой. Кто такие эти немцы, чего они здесь делают, почему ходят под охраной из автоматов, почему здесь упали в обмороке дома, мы не понимали и не стремились тогда понять. Мы брали мир, каким он был в момент нашего прихода на землю, прямо со страниц Библии.

Левый от меня на этом черно-белом снимке (цветных мы не ведали еще много лет), в центре, стоит Йорик. Он старше был меня на год-два, и мы росли вместе. Он был сын немки, жившей в нашем дворе и до войны, дворничихи, а отцом его, видимо, была "дворовая пыль".

*"Имярек, тебе,
сыну вдовой кондукторши от
то ли Духа Святого,
то ли поднятой пыли дворовой"*

Имя его я узнал много позже, удивившись обыденности, — Александр. (Его звали Шура. Есть загадка, почему при одинаковом полном имени Александр разнятся уменьшительные имена — Саша и Шура, — и никогда это случайно не бывает, нет пересечений и случаев, чтобы кого-то звали обоими этими именами. Нет, — либо Саша, либо Шура!) Но все детские годы мы звали его, наш двор и вся Михайловская улица, сверстники наши, — Йориком.

Как это могло случиться, не постигаю: о Шекспире, а тем более о Стерне, знал разве что мой родитель, остальные взрослые в нашем дворе если и слышали, то разве лишь имя, не больше. Дети, мы, даже я, еще много лет, конечно, никогда не слышали эти слова шекспировы — "Бедный Йорик!". Так откуда же это взялось? Но именно так его мы звали и уже позже, прочтя имя это у Шекспира, я удивился, откуда это у него нам одним известное имя?

Прочтя у Лоренса Стерна, я удивился вновь, но уже цепочке ассоциаций, от шекспировского шута к стерновскому священнику, а третьим в этой последовательности шел мой дворовой кореш Йорик. Мудр и весел был шекспировский Йорик. Человечен и добр, наивен и трогателен был стерновский молодой священник, местный интеллигент и диссидент глухой английской провинции, а мой Йорик был таким же, как я, как этот, с нами стоящий на снимке Борька Вердыш из одноэтажного флигеля. Фамилию Йорика я не помню, и это естественно, — Йорик и не мог иметь фамилии.

(Так интересно и так характерно — стоят мальчишки, молдаванин, немец по матери, и я, в те времена еще неопознанный национальный объект, потом в первых классах шко-

лы Шапиро-Дорошенко, потом просто Шапиро, и наконец, Дорошенко, выросший в результате этого жизненного пути русским интеллигентом в стране, где слово "интеллигент" всегда было подозрительнее ясного слова "еврей", и где чаще всего эти понятия совпадали.)

Йорик — это гаерский глуховатый и насмешливый голос могильщика, рассматривающего знакомый череп, это сентенции странного молодого священника, мудрого и ранимого, однажды определившего порочную суть нашего исторического процесса словами: "называть значит не доверять". Это голос моего приятеля Йорика, гонящего в высоте неба своих голубей.

Впрочем, боюсь, что мы в те времена, мальчишки послевоенных лет, еще на границах школы, мы это имя произносили и кричали иначе — Ёрик!

— Ёрик, на заборе кошка!

Кошка подбиралась к ёрикиной голубиной будке по забору пожарной части. Когда Ёрик нагнулся за камнем, ее уже на заборе не было. Наши кошки знали правила жизни и что-то еще, нам неизвестное. Они проявлялись в пространствах и временах, существуя одновременно в разных, — на кис-кис вот она здесь и рядом, — на поднятый с земли камень ее не было и не будет. Мы учились у них, приглядкой, как и всему главному в нашем большом дворе на Молдаванке.

(В этом отношении у кошки чисто еврейские повадки.)

Школы Йорик одолел, я думаю, не более четырех классов. А затем волею судьбы и обстоятельств прошел он путь многих из моих дворовых приятелей, если не большинства. Где-то в пятнадцать попал впервые в колонию за воровство и потом всю жизнь провел в тюрьмах. Перерывы в сумме были много меньше времени отсидок.

*"Имярек, тебе...
белозубой змее
в колоннаде жандармской кирзы,
одинокому сердцу
и телу бессчетных постелей"*

Но с детства он полюбил голубей.

Тогда в каждом молдаванском дворе была как минимум одна голубятня. И держали почтовых голубей. Была она деревянной с высокой островерхой крышей, обитой поперечно расположенными планками для удобства голубиного, со всякими хитроумными дверцами, подъемными канатиками (в частности, для ловли чужих, заманенных голубей). Все строение было двух-трехъярусным а сам домик голубятни был высоко поднят над землей.

Над нашими дворами высоко в небе всегда летала голубиная стая. Среди голубей этих были почтари, и их, увезя куда-нибудь далеко от дома, на Фонтаны или Отраду, там выпус-

кали. Голуби всегда и легко находили дорогу домой. Набрав неимоверную высоту, они узнавали свой дом — и летели домой! Кто сказал, что только орел может так видеть землю с облачных высот? Это может и маленький почтовый голубь. Теперь не стало любителей, или очень мало их осталось. Я уже не вижу во дворах голубиных будок. Но на охотничьем рынке, на Староконном базаре, их по-прежнему продают, и значит, это кому-нибудь нужно.

Возвращаясь из очередной отсидки, Йорик вновь заводил голубей. В его отсутствие они куда-то исчезали. Голубятня стояла пустой, а была она из самых крупных в нашем районе. Он быстро обрастал голубями, и это вызвало большой естественный интерес у многочисленного кошачьего населения нашего и всех близлежащих дворов. С котами Йорик вел непримиримую войну, и уж не знаю, как он этого достигал, но бесстрашные наши коты обходили территорию его голубятни стороной, отворачиваясь и демонстрируя полное отсутствие интереса к вопросу. Они переклювались на голубей, которых держали в пожарной части, благо она была через стену от нашего двора.

А Йорик сидел целыми днями на крыше своей голубятни и смотрел в небо, там летели его голуби. Потом исчезал вновь. И возвращался. В одно из возвращений он даже завел жену, но в отличие от голубей, долго она не удержалась. Мне помнится, он даже не пил, пьяным я его никогда не видел. Во дворе его, в общем, любили. Он был наш, он вырос на глазах всех, и он хорошо себя вел. В нашем дворе выросло много воров, тюрьма не могла компенсировать их естественный постоянный прирост, но у себя во дворе они никогда не воровали, и чужие вору к нам не заявлялись. В этом смысле в нашем дворе царила патриархальная тишина.

Потом я покинул двор и много лет Йорика не встречал, но мне рассказывали дворовые новости. Он умер сравнительно молодым, большую часть жизни просидев по тюрьмам, но лучшую, пусть и короткую, проведя в небе, со своими голубями. Это все, что ему было даровано, и, если подумать, это было не так уж мало. Вместе с Шекспиром и повторившим его Лоренсом Стерном скажем и мы — "Бедный Йорик!".

Я уверен, это третье в мировой истории появление человека с именем Йорик, причем оба первых, и шекспировский шут, и стерновский священник, были вымышленные герои, а этот был живой и подлинный, жаль только, что ему так не повезло со временем рождения, страной и с автором, и никто не рассказывал его и нашу жизнь.

*"да лежится тебе,
как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле,
местных труб проходимцу и дыма,
понимавшему жизнь,
как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть
в параднике Третьего Рима..."*

Я не знаю, где он лежит в вечном покое. Не думаю, чтобы там был памятник или простой камень. Мало кто им, Йориком, интересовался при жизни, чтобы заботиться за ее краем.

"Понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке", — это единственный способ верного понимания, все остальное глупость.

Но вот интересно, какие сны ему сняты? Он заслужил сны, и если там есть справедливость, он во снах своих тих и спокоен. Он забыл о несправедливо подмененной судьбе, о косноязычной матери-дворничихе, обо всех этих лагерях и тюрьмах, которые только и видел. Он слов тех подлых, которым был научен людьми еще в детстве, не помнит, да и не нужны ему там слова. Он видит себя в небесах (мало кто так часто смотрел в небо, как он), в потоке ласкового света, омывающего его наконец-то чистое тело, на нем белоснежная рубашка (странен и удобен ее покрой, она и длинна и необременительна в движениях, она, струясь, омывает тело, его лаская), а вокруг кувыркаются и несутся голуби, почтовые, турманы и еще разные, названия которым он знал, вместе с ним, Йориком, в одном счастливым потоке.

Как весело, как хорошо, как радостно!

Я верю, что это так, потому что если это иначе, если он, Йорик, и там всего лишен, то это по-настоящему плохо, и что-то там наверху очень неблагополучно!

*"Пора! Полощет плат крылатый —
И разом улетают в гарь
Сизоголовый и хохлатый,
И взмывший веером почтарь."*

*Лишь голуби да голубая
Вода. И мол. И волнолом.
Лишь сердце, тишину встречаю,
Все чаще ходит ходуном..."*

Эдуард Багрицкий.
"Голуби"

Михаил ГАУЗНЕР

Скажи: какой ты след оставил?

**След, чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или незримый прочный след
В чужой душе на много лет?**

Один из ответов на эти строки Леонида Мартынова дал прекрасный вечер, посвященный памяти театрального педагога, режиссера и замечательного человека Татьяны Романовны Фуксин, который прошел в переполненном Зеленом зале Дома ученых.

Открыла вечер заместитель председателя областного Совета мира, основатель и организатор ежегодных "Рождественских вечеров" Т.А. Сазонова...

Родилась Татьяна Романовна в 1908 г. в Одессе. В семье были две дочери — старшая Аня и младшая Таня. Обе с самых юных лет увлекались театром и мечтали о сцене, обе обладали миниатюрной внешностью и живым характером, что идеально подходило для амплуа "травести" — исполнения ролей подростков.

Анна уехала в Москву и там нашла свое актерское счастье. До сорока лет она играла сначала в ТЮЗе, а потом в Центральном детском театре роли мальчишек. Один из ярких образов — хулиган Мишка Квакин в спектакле по повести А. Гайдара "Тимур и его команда". Потом она исполняла возрастные роли, озвучивала фильмы, участвовала в радиоспектаклях.

А Татьяна Романовна осталась в Одессе, где прожила всю свою жизнь. Училась в Муздрамине у Е.А. Гартинг, потом служила в Русском драмтеатре, где тоже играла мальчиков (в частности, Сережу в "Анне Карениной"). Особенно хорошо удавались ей яркие характерные роли озорных мальчишек.

Мне удалось найти снимок афиши спектакля этого театра "Вне закона" по пьесе Льва Лунца — одного из "серапионовых братьев". В роли юности Альганзилла — Фуксина. Возможно, что на сохранившемся фото негретенка-пажа Татьяна Романовна изображена именно в этой роли.

В спектакле "Черемыш — брат героя" Татьяна Романовна исполняла роль мальчишки, играющего в хоккей. В азарте игры кто-то из участников спектакля увлекся и, размахнувшись, случайно ударил ее клюшкой в глаз. Боль была очень сильной. Татьяна Романовна доиграла до конца акта, и только когда опустился занавес, потеряла сознание. Такую сильную волю и большое чувство ответственности эта маленькая хрупкая женщина сохраняла всю жизнь.

Дочь ее старшей сестры Валя Шагаева — одна из самых близких моих друзей уже 55 лет. Она и познакомила меня с Татьяной Романовной и ее мужем, врачом-хирургом Александром Адольфовичем Бабским.

Они жили на ул. Барановича, 12, в коммунальной квартире. Большая комната с резной антикварной мебелью красного дерева, за стеклянными дверцами буфета — изящные бокалы, старинный фарфор, на стенах картины, графика, фотографии. В углу рояль, в центре — обеденный стол, за которым в раздвинутом виде свободно размещались более двадцати человек.

Вся атмосфера этого дома была проникнута культурой и уютностью. Тон задавался, конечно, хозяевами. Татьяна Романовна — небольшого роста, хрупкая, изящная, с хорошей фигурой и прекрасной осанкой. Ее миниатюрность удивительным образом сочеталась с сильным и довольно непростым характером. Ее любили, уважали и побаивались — при необходимости она умела достаточно недвусмысленно поставить человека на место, но делала это, как правило, в вежливой, нообидной форме. Любимое определение неприемлемого для нее поступка: "Это неинтеллигентно!" — и этим было все сказано.

Александр Адольфович был совершенно другой — крупный (особенно это ощущалось, когда они были рядом), очень мягкий и доброжелательный; помню его высокий лоб с залысинами, круглые очки — "велосипед". Он был очень музыкален, прекрасно играл на рояле, а в молодости и на скрипке.

В первые дни войны Александр Адольфович ушел в армию. Много оперировал, занимался организацией эвакуации раненых, руководил эвакуационным госпиталем. Им был разработан искусственный заменитель крови, который позволил спасти жизни многих раненых, так как донорской крови не хватало. Татьяна Романовна эвакуировалась морем, под бомбежкой. Каким-то образом нашла Александра Адольфовича и добралась к нему.

Во время войны у Вали Шагаевой из-за плохого питания в голодной Москве наступи-

ла дистрофия и начальная стадия туберкулеза. Татьяна Романовна приехала в Москву, увезла Валию к себе и использовала все возможности для ее выздоровления. Всю жизнь она относилась к Вале как к своей дочери, и эта любовь была взаимной.

В 1945 году Бабские вернулись в Одессу. Александр Адольфович много и плодотворно работал, оперировал, консультировал больных, занимался наукой, подготовил и защитил докторскую диссертацию. А Татьяна Романовна, как говорят, "вела дом", который создавался в основном, ее обаянием, доброжелательностью, гостеприимством и фантазией.

Несмотря на скудные возможности послевоенных лет, она каким-то образом умудрялась устраивать замечательные приемы. Много лет вспоминали "фирменные блюда" Татьяны Романовны — фаршированную рыбу, фаршированную шейку, начиненные орехами груши в сиропе.

Но главным было застолье не гурманское, а интеллектуальное, — высокий уровень культуры общения, интересные беседы, обмены мнениями.

Из людей их круга помню имена профессора-терапевта, затем академика М.А. Ясиновского, профессоров-хирургов Б.Е. Франкенберга и Я.М. Волошина (с ним в качестве соавтора у Александра Адольфовича были общие публикации), бывшего директора Водного института, а впоследствии завкафедрой сопромата ОПИ А.В. Будницкого. Ближайшим другом был врач-экспериментатор и известный яхтсмен А.С. Самоходский.

В пятидесятых годах Татьяна Романовна из-за возраста уже не могла играть подростков. Других ролей, видимо, не было, а ее деятельная творческая натура и интеллект требовали реализации. Тогда она организовала во Дворце культуры им. Леси Украинки, сыгравшем значительную роль в культурной жизни молодежной Одессы, театральный коллектив "Юность".

Руководство молодежным театром постепенно стало основным ее делом, которому она отдавала все свои силы, время, энергию, всю душу. В коллектив приходили ребята с разным уровнем культуры, иногда из не совсем благополучных семей, далеких от мира театра. Под влиянием личности Татьяны Романовны у них появлялись другие интересы, ранее многим из них не свойственные. Многие ребята впервые узнали от Татьяны Романовны о стихах Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, Лорки.

Разговаривали о разном: литературе и живописи, поэзии и музыке, обязательности и ответственности за свои поступки, порядочности и непорядочности ("так не поступают!"). Она прививала им хороший вкус во всем — в манере поведения, в речи, в одежде, была для ребят нравственным, моральным авторитетом, не вешала, не поучала, поощряла обсуждения и споры, в том числе с ней, но почему-то почти всегда оказывалась права.

После смерти Александра Адольфовича, которого некоторые ребята называли "наш папа", работа с ними стала единственным смыслом ее жизни.

Из довольно частых поездок в Москву Татьяна Романовна привозила новые песни, материалы для композиций. Однажды получила фонограмму с записью песен практически запрещенного тогда А. Галича и использовала в спектакле "Они и мы".

В Москве она общалась с интересными людьми из театрального мира, посещала спектакли разных театров. Поддерживала добрые отношения со знакомым по Одессе актером Малого театра народным артистом СССР Комиссаровым. Дружила с матерью Эдварда Радзинского, бывала в их доме и потом с юмором рассказывала, как маленький рыжий Эдик бегал около них и мешал разговорам взрослых.

В начале семидесятых театральный коллектив "Юность" переходит во Дворец студентов. Наиболее яркая страница этого периода работы коллектива — спектакль "Мы этой памяти верны" по произведениям поэтов военных лет. Татьяна Романовна просмотрела много поэтических сборников и отобрала стихи по присущим ей критериям — без патетики, без конъюнктурности, идущие от сердца, затрагивающие души и исполнителей, и слушателей.

В 1977 г. коллектив перешел в Дом ученых. Там не было привычной настоящей сцены с занавесом и кулисами, на которой ставились театральные спектакли с единым сюжетом, развивающимся во времени. Нужно было искать другую форму, уходить от фавулы в глубину, продолжая начатое в спектакле "Мы этой памяти верны". Так родился Театр

поэтической формы; это стало не только новым названием коллектива, но и его измененной сутью.

В этом театре особенно ярко проявились способности Татьяны Романовны как сценариста, режиссера, человека с тонким вкусом. Какой разносторонний подбор авторов и тематики спектаклей! Революционный романтизм Федерико Гарсиа Лорки — и юмор Г. Горина и Мольера. "Эпифаний" Имманта Зиедониса в переводе Ю. Левитанского, написанные на грани высокой поэзии и серьезной взыскательной прозы, в которых сочетались моральные заповеди с любовью к природе, к людям, с тонким, акварельным взглядом на мир — и композиция о трагедии Хиросимы.

В спектаклях почти всегда звучала музыка, которой Татьяна Романовна придавала большое значение. Л. Сушкин вместе с ней тщательно подбирал записи музыкальных произведений и обеспечивал их воспроизведение. Часто пианисты В. Дашковский (будущий профессор Одесской консерватории), В. Саксонский, И. Татур исполняли фортепианные произведения Равеля, Шумана, Рахманинова, Шопена.

В 1987 г. коллектив стал лауреатом II Всесоюзного фестиваля народного творчества в Москве. Лауреатский значок Татьяны Романовны, сохраненный Валей и присланный ею из Москвы, я передал в музей Дома ученых.

Своих учеников, которые поступали в театральные вузы, Татьяна Романовна готовила так, что им практически не нужно было потом переучиваться, — у них не было того ложного пафоса и неестественности, которые часто приобретаются в художественной самодеятельности.

Многие из воспитанников Татьяны Романовны в значительной степени благодаря общению с ней стали высокопрофессиональными актерами. Достаточно назвать народного артиста России Сергея Мигицко, известную киноактрису Наталью Гвоздикову, актрису Волгоградского драмтеатра Лилию Воробьеву, актера и режиссера Николая Ковалю. Кинопродюсером в Голливуде стал Анатолий Фрадис.

В Одессе успешно работают и широко известны лауреаты литературных премий мастер художественного слова Елена Куклова и заслуженный работник культуры Украины, литературовед и исполнитель Валентина Ковач. Светлана Зарицкая — тележурналист и телеведущая; заслуженная артистка Украины Наталья Дубровская служит всю свою актерскую жизнь в Русском драмтеатре, первые ее роли в котором разбирала с ней Татьяна Романовна.

Большинство участников театральных коллективов, руководимых Татьяной Романовной, не стали актерами. Среди них люди разных профессий — инженеры, преподаватели вузов, предприниматели, журналисты.

Инженер А. Яковцев, ставший впоследствии специалистом по энергетической физиологии человека, сказал в беседе со мной: "Главное, что начинаешь понимать только с годами, — это роль Татьяны Романовны в формировании моего собственного "я", моего отношения к людям, к жизни, к окружающему миру". Эти слова можно отнести ко всем ее воспитанникам независимо от выбранной профессии.

Татьяна Романовна не воспринималась человеком своего возраста, и сама говорила о себе: "Я не старая, я старинная". С людьми, у которых душа не молодая, ей было неинтересно. Увлекалась на репетиции, могла буквально вспорхнуть на сцену, как девчонка, — в ее годы! Она была непритязательна в пище, в быту, у власть имущих никогда ничего для себя лично не просила, но аристократизм поведения сохраняла до конца жизни.

Многие ребята помогали ей в житейских делах, к которым она с возрастом становилась все менее приспособленной. Особенно хочется отметить специально прилетевшего из Москвы для участия в вечере памяти одного из активных участников Театра поэтической формы, теперь — предпринимателя Леонида Левитина. Он трогательно заботился о Татьяне Романовне в ее последние нелегкие годы, а сейчас очень много делает для тяжело болеющей Вали Шагаевой. Такие люди, к сожалению, встречаются нечасто.

В феврале 1992 г. Татьяна Романовна умерла, а уже в марте Театр поэтической формы дал в Доме ученых специальный концерт, посвященный памяти своего организатора и любимого руководителя.

Но вернемся к тому, с чего начался мой рассказ, — с вечера памяти.

Очень профессионально вела его Светлана Зарицкая. "Между нами и Татьяной Романовной устанавливалась внутренняя бли-

зость, и это ощущали все. Она щедро дарила свое сердце тем, кто с нею соприкасался. Музыка жизни умолкает, если перестают звучать струны памяти, а сегодня они звучали с новой силой. Спасибо Вам за все!" — сказала Зарицкая, повернувшись к портрету Татьяны Романовны.

Она непринужденно обращалась то к зрителям, то к сидящим в первом ряду участникам программы. Легко и естественно прерывая свой рассказ, она поочередно приглашала на сцену студийцев разных поколений.

Первым был Леонид Левитин, которого зал встречал долгими аплодисментами. "Память о Татьяне Романовне я пронес через всю жизнь и многим ей обязан. Это был маленький большой человек, и встреча с ней — моя большая удача".

С нежностью говорила о своем первом учителе Валентине Ковач, которая пришла в коллектив "Юность" двенадцатилетней девочкой. "Меня, такого ребенка, Татьяна Романовна смогла приобщить к культуре, духовности, разжег и поддерживать этот святой огонек, помогла мне раскрыть свою индивидуальность, находя для этого простые слова и объяснения. Мы получали от Татьяны Романовны то, что многим не могли дать семья, школа, обычное юношеское окружение. Она буквально тянула нас к свету".

Как всегда эмоционально, прочитала Валентина Ковач поставленный в те далекие годы Татьяной Романовной рассказ А.П. Чехова "Неудача".

Инженер-транспортник, бывший вице-мэр Одессы, теперь — консультант Секретариата Верховной Рады Украины Леонид Сушкин пришел в театральный коллектив студентом Водного института и стал одним из самых активных его участников. "Татьяна Романовна, бесспорно, одна из великих женщин нашего города. Она была прекрасным педагогом, режиссером, обладала тонким вкусом, но самое главное — она стремилась поселить в наших сердцах любовь, гуманизм, благородство, культуру. Мы очень многим обязаны этому замечательному человеку".

С хорошим чувством юмора, не "пережимая", он прочитал рассказ о Бабеле "Тот мальчик" из повести К. Паустовского "Время больших ожиданий". Его исполнению могут позавидовать профессионалы — так прекрасно поставила это много лет назад Татьяна Романовна.

Тепло и проникновенно вспоминал Татьяну Романовну доцент ОГУ Эдуард Мартынюк. "Она действительно оставила в моей душе "незримый прочный след". Я ни разу не сказал ей, как я ее люблю, и потом жалел об этом. Но мы продолжаем ее любить, а те, кого мы любим, — живут".

Бывшая зампред горисполкома и секретарь горкома партии Т.А. Овчаренко говорила о Татьяне Романовне с большим уважением и симпатией как о человеке бескорыстном и очень преданном своему делу.

Профессор Одесской музыкальной академии им. Неждановой Вячеслав Дашковский рассказал о Татьяне Романовне с необычным для преподавателя такого уровня волнением. Потом он исполнил малоизвестную фортепианную пьесу С. Рахманинова "Осколки", очень хорошо принятую присутствующими.

В заключение вечера с благодарностью вспомнила своего учителя Елена Куклова ("она дала мне путевку в жизнь"). С большим подъемом и вдохновением, редким даже для такого большого мастера, она прочитала два рассказа М. Горького — "Девушка и смерть" и "Нунча", поставленные ей Татьяной Романовной в театральный коллектив "Юность". Куклова буквально растворилась в судьбах и чувствах героинь рассказов. Это был настоящий театр одного актера, и зал слушал ее, затаив дыхание. В сочетании с фортепианным сопровождением В. Дашковского яркое и лиричное исполнение этих произведений вызвало долго не смолкавшие аплодисменты.

После окончания программы многие из собравшихся не расходились и говорили нам, что давно не были на таком теплом и искреннем вечере. Одна из них, придя домой, сказала примерно так: "Я шла очень осторожно, боясь расслепскать то тепло и доброту, которой наполнил меня этот вечер".

В "Синей птице" Метерлинка давно умершая бабушка говорит своим внукам, которые чудесным образом встретились с ней, примерно так: "Мы тут спим и просыпаемся тогда, когда там, у вас, нас вспоминают".

Надеюсь, что вечер памяти и эти строки стали поводом для многих еще раз по-доброму вспомнить Татьяну Романовну и Александра Адольфовича. Тогда — кто знает? — может быть, они ТАМ ненадолго проснутся.

Алекс РАППОПОРТ

Что нового в Рулетенбурге?

В отличие от мегаполисов, на въезде захватывающих внимание, Баден-Баден раскрывается не сразу. Во всяком случае, не с вокзальчика, куда экспрессом или двухэтажными региональными поездами попадает в город большинство приезжих. Вы почувствуете себя во власти Баден-Бадена постепенно, после того как поселитесь в отеле с более чем полуторавековой историей, оглядитесь в его интерьерах, оцените сочетание старины и новизны, уровень сервиса и, сменив дорожную одежду на выходную, начнете совершать пешие прогулки по городу.

Пятизвездочный "Штайгенбергер Европайский двор", где мы зарезервировали номер, расположен в историческом центре, в самом начале Кайзералле. Он не только архитектурная достопримечательность, но и памятник истории литературы — в нем останавливались Гоголь и Гончаров, здесь происходят события тургеневского романа "Дым". Сразу за отелем — только перейти игрушечный мостик через неглубокую речку Оос, дно которой вымощено красноватым булыжником, — Лихтентальский парк, а в нем Тринкхалле с коринфской колоннадой вдоль фасада, в прошлом знаменитый бювет, а теперь еще — информационный центр для туристов и место продажи сувениров "под антиквариат". Рядом с ним Курхаус, где находится прославившее Баден роскошное казино, открытое парижанином Жаком Беназье. Он

перевел на водный курорт свое дело после запрета азартных игр во Франции в 1837 году. В казино установлен бюст "первооткрывателем", заложившему основы благосостояния города. В пяти минутах ходьбы от Курхауса — здание крупнейшего в Европе оперного театра с залом на 2500 мест, построенное в шестидесятых годах XIX века в стиле позднего французского барокко. Дальше — Государственная галерея с коллекцией картин, подаренных Фридером Бурда, и с меняющимися вернисажами (в те дни — с живописью Хуана Миро). За галереей — Штаттмузеум, где выставлены экспонаты, иллюстрирующие историю поселения Аква-Аурелия с античных времен (старейшие археологические находки относятся к I веку новой эры). В наши дни, уже после миллениума, в парке установлены мраморный бюст Василию Жуковскому и бронзовый — Ивану Тургеневу; оба владели домами и подолгу жили в городе.

На другом берегу Оос, в шаговой, как сейчас говорят, доступности от Лихтентальского парка, в старинном особняке на Софиенштрассе работает единственный в мире музей ювелирной фирмы Фаберже. Он принадлежит России и открыт в мае 2009-го. Неподалеку, в наиболее древней части Бадена — католический собор с распятием середины XV века. Древность и современность чудесным образом соединены в этом районе города: тут находится "Фридрихсбад", выстроенные с королевской пышностью римско-ирландские бани, открытые в 1877 году, а по соседству — так называемые "Термы Каракаллы", оздоровительный комплекс, действующий с 1985 года. Под "Фридрихсбад" обзорные туристы доступны руины "солдатских бань", купален для римских легионеров, в которых уже две тысячи лет назад использовались целебные свойства подземных термальных источников.

Русскоговорящее население города, по некоторым оценкам, составляет порядка трех тысяч, то есть заметные пять процентов. В основном, это "советские" немцы и евреи, и члены их семей.

Православный храм Преображения Господня, освященный в октябре 1882 года, находится не слишком далеко от центра, в начале Лихтенталлерштрассе. Через дорогу — розарий с фонтанами и скульптурами в стиле модерн, где цветет около трехсот сортов роз. Церковь изящна и не велика, в XIX веке, когда она проектировалась и строилась при покровительстве и поддержке российской императорской фамилии, православных в Бадене было на порядок меньше, чем сейчас. Приход относится к Русской Православной церкви за границей. На стоянке перед храмом стояло несколько автомобилей. Когда мы вошли, происходило таинство крещения. Настоятель Миодраг Глишич в багровом расшитом золотом облачении поверх черной рясы уже окропил годовалого мальчика водой из купельной чаши и теперь, произнося молитву, носил вокруг алтаря. Крестная мать и мама ребенка, повязав головы косынками, стояли перед алтарем, поодаль молодая женщина в берете снимала происходящее на видеокамеру. Остальные родственники и друзья жались вдоль стен слева и справа от входа. Ребенка окрестил Александром. Судя по церковной жизни, русская община в Баден-Бадене растет. Подлинное возрождение прихода началось в 1988 году, вскоре после решения о сносе Берлинской стены и воссоединении Германии. В двадцатом веке храм переживал трудные времена, в начале первой мировой войны он был закрыт, церковная утварь, даже медные листы и позолота купола конфискованы как имущество врага. Перед открытием в 1921 году купол обили кровельным железом и покрасили в синий цвет. Реставрация, проведенная в середине 80-х годов, спустя столетие после освящения, вернула храму первоначальный облик.

Расположенный в двух шагах от уютной Леопольдплатц Музей Карла Фаберже — еще один заметный фактор русского присутствия в городе. Предыстория его возникновения такова. В 1993 году некто Александр Иванов, выпускник юридического факультета МГУ (1984-1989), бывший морской спецназовец, бывший сотрудник органов госбезопасности, объявил о создании первого в России "частного" музея, а вернее, АОЗТ "Русский национальный музей", одна из задач которого — возвращение на родину выдающихся образцов отечественного искусства. Долгое время у музея не было помещения для публичной экспозиции, и увидеть коллекцию можно было лишь на его сайте. При этом существовал обменный фонд, из которого — цитирую сайт — "активно приобретались сокровища для му-

зеев Московского Кремля, Государственного исторического музея, музея Метрополитен в Нью-Йорке и многих других музеев". Особый интерес основатель АОЗТ и его эксперты проявили к ювелирным изделиям, главным образом, фирмы Карла Фаберже. Поиск и покупка их осуществлялись систематически, у частных коллекционеров и на открытых аукционах за границы. Приобретены и возвращены в Россию были сотни изделий фирмы Фаберже декоративного и прикладного назначения, выпущенные с 1885 по 1917 год. Одним из самых заметных экспонатов этого собрания стало "Ротшильдское яйцо" из нескольких видов золота, покрытое прозрачной розовой эмалью, изготовленное выдающимся ювелиром фирмы К. Фаберже Михаилом Перхиным. Яйцо-часы установлено на ампирином постаменте, общая высота изделия 31 см, о начале каждого часа возвещает появляющийся на 15 секунд осыпанный бриллиантами золотой петушок; механика, выполненная часовщиком Николаем Роде в 1902 году, работает до сих пор. Семейство Ротшильдов выставило часы на аукцион Christie's в 2007, в торгах участвовало двое: автор монографии о русском ювелирном искусстве профессор А. Иванов, присутствовавший в зале, и инкогнито, принимавший участие по телефону. А. Иванов выиграл торги и купил лот за 18,5 миллионов долларов, чем заслужил аплодисменты коллег. Лондонские журналисты, освещавшие аукцион, отметили, что впервые покупатель на столь крупную сумму находился в зале, а не в закрытой комнате, и что прежний ценовой рекорд на "яйцо" Фаберже в 9,6 миллионов долларов, установленный арабским шейхом в 2002 году, побит.

Помимо изделий фирмы Фаберже "Русский национальный музей" приобретал в Европе и в России иконы, российскую живопись, старинные книги, исторические документы и фото, а также ретро-автомобили и мотоциклы, так называемые "олдтаймеры". Нельзя не упомянуть инкрустированные драгоценными камнями подзорную трубу Наполеона и фельдмаршальский жезл Александра II.

Еще древние египтяне заметили, что жизнь циклична: их Озирис, помнится, все возрождался и умирал, умирал и возрождался. Примерно так происходит и с художественными ценностями России: пришедшие в 1917 году к власти большевики активно продавали их за рубеж, власть, явившаяся на смену коммунистам, с не меньшей энергией и энтузиазмом выкупает обратно...

Постоянную экспозицию возвращенных сокровищ предполагалось разместить в Москве, где прошел ряд выставок. Но первые стационарные музеи все же были созданы в Баден-Бадене и открыты в мае 2009 года: музей "олдтаймеров" на Банхофштрассе, 50, и уже упоминавшийся Фабержемузеум. Решение объяснимо: вложенные деньги должны приносить доход. Баден-Баден — это более чем престижно, за год его посещают миллионы богатых туристов, в городе не было музеев такого уровня, то есть они не "теряются" на общем фоне, ну, а цену на билет здесь можно установить гораздо выше, чем в Москве или Санкт-Петербурге.

Билеты в музей Фаберже обошлись нам по 12 евро. Русскоговорящие гиды здесь — российские граждане, так что экскурсия на родном языке с подробным рассказом о заинтересовавших экспонатах вам обеспечена. Экспозиция в трех больших залах второго этажа состоит из более чем шестисот предметов, всего собранного не включает, и будет меняться. Она перевернула мои представления о фирме Фаберже, до этого я как малообразованный обыватель считал, что там изготавливали памятные сувениры: статуэтки из драгоценных металлов, камнерезные фигурки животных, знаменитые "пасхальные яйца" и тому подобное. В музее я увидел огромное количество функциональных вещей. Среди них не только разнообразные ювелирные украшения, но и серебряная посуда, золотые портсигары, принадлежности для письма и другие не лишние в быту вещи, именно они составляли большинство из 220 тысяч изделий, выпущенных фирмой Карла Фаберже за 45 лет работы в России. Особое впечатление производят изделия с клеймом "Война 1914 года", предназначенные для действующей армии: офицерская лампа из меди, медный походный самовар, кружки с российской символикой, простые табакерки, копеечные подарки солдатам и офицерам, части приборов, медицинское оборудование. Музей обладает самой большой в мире коллекцией медных изделий фирмы Фаберже. Выглянув в окно, я увидел во двореке музея на бетонном постаменте гигантского медного зайца, сложив-

шего лапы на животе. Трехметровый заяц воспроизводил серебряный кувшин из сервиза, изготовленного по заказу болгарского царя. И какое-то воспоминание, смутное дежавю при виде огромного зайца померещилось мне, хотя скульптуру я видел впервые. Непонятное чувство не отпускало весь день, пока я не узнал случайно фамилию скульптора. Ну конечно же, Зураб Церетели! Какое же российское присутствие в Баден-Бадене без него?! Поистине, от ювелирного дела до монументализма — один шаг.

Казино Баден-Бадена открыто с двух часов пополудни до двух ночи. Для похода в него мужчинам обязательны пиджак и галстук. Проблема с галстуком решается просто: если забыли взять напрокат в отеле, его вам повесят на пороге в игорные залы, после того как заплатите 3 евро за вход. Еще одна строгость: посетитель должен быть не моложе 21 года, при покупке входного билета просят международный паспорт, вносят в компьютер дату рождения, спрашивают место прописки. Билет действует в течение дня: можно уходить и возвращаться. Перед входом нужно подписать бумагу, что в случае банкротства вы не будете иметь претензий к заведению. Женщин приглашают приходить в вечерних платьях, но это необязательное условие, были посетительницы и в брюках.

Интерьеры залов, сохраняемые с начала XIX века, — отдельное сильное впечатление. Каждый зал выполнен в своем стиле: расписанный на тысячу человек, расписанный итальянскими мастерами "Флорентийский", "Австрийский" с портретами королевы Марии-Терезии и Иозефа II, "Салон Помпадур", воспроизводящий апартаменты времен Людовика XV, выдержанный в бордовых тонах "Красный" и "Зимний сад" со сценой для театральных представлений. Залы освещены массивными люстрами и бронзовыми канделябрами, снабжены каминами и декоративными фонтанами, украшены бархатом, хрусталем и позолотой, живыми цветами, фресками и скульптурами, живописью и напольными китайскими вазами. Доверимся авторитетному мнению Марлен Дитрих, назвавшей баденское казино самым красивым в мире.

Передо мной покупал билет высокий седоватый господин лет пятидесяти в вельветовом типа "casual" пиджаке, объяснявшийся с кассиром по-немецки. Я не принял бы его за соотечественника, если б не российский паспорт без обложки, протянутый через стойку. Фишек он приобрел на 150 евро и уверенным шагом направился к игровым столам. Обтянутые зеленым сукном рулеточные столы были двух видов. Классические большие столы, за которыми игроки сидят, а игру помимо крупье обслуживают еще два-три его помощника, специальными "лопатками" продвигающие фишки на названное поле. И особенный вариант — более высокие столы меньшей площади со столешницами в виде сегмента, крупные здесь справляется сам, он и игроки у такого стола стоят, крупные — с внутренней, вогнутой, а игроки — с внешней стороны. Желаящие сами ставят фишки, крупные левой рукой, не глядя, бросает шарик в "барабан", расположенный чуть позади, как только костяной шарик сбавляет скорость на своем "велотреке" (это слышно по звуку), крупные произносят: "Нихт мер!" (Ничего больше! — нем.) и делает запрещающий жест: ставки сделаны; наконец шарик замирает, механический голос называет номер, красное либо черное число вспыхивает на экране, парящем над столом, крупные лихо сдвигает все проигравшее в лузу и кладет новые фишки на выигравшие ставки. Игра здесь идет быстрее.

Господин в вельветовом пиджаке направился к группе из шести таких столов, установленных каре в центре зала. Двигаясь против часовой стрелки, он обошел их все и оставил несколько фишек на каждом. Вероятно, он действовал по какому-то заранее выработанному плану. У стола, где я остановился, он поставил "двушки" на "21", на "красное" и на "нечетное", а также на все числовые сочетания, включающие "21". Я поступил наоборот: поставил "двушку" на "черное" и столько же на "четное". Не знаю, как повезло ему у других, но у "моего" стола выпало "очко", выиграла все его фишки, и если на нечетном и красном выигрыш всего лишь удвоился, то за "21" он получил из расчета 35 к 1-му.

Попытаться его разговорить, а вдруг он знает секрет...

— Простите, вы говорите по-русски? — спросил я, когда он забирал выигрыш.

Он кивнул, я задал вопрос о правилах игры, и он ответил.

— Вы не против, если я посмотрю, как вы играете?

— Пожалуйста, здесь все открыто, — раз-
решил он.

— Говорят, после первого выигрыша надо
уходить и больше в этот день не играть.

— Чепуха и суеверие! Я математик, специа-
лист по теории вероятностей, у меня другой
подход... Я играю по своей системе.

Поскольку он ходил от стола к столу, я стал
следовать за ним и время от времени обме-
ниваться репликами. Постепенно выясни-
лось, что он прибыл из Петербурга и живет
в Баден-Бадене уже два месяца. На вопрос
об отеле неохотно ответил, что часто меняет
место дислокации, больше я об этом не спра-
шивал. Система его, насколько я мог понять,
состояла в том, чтобы ставить на группы но-
меров так, чтобы перекрыть большую часть
поля, на единственный номер он ставил лишь
на одном из столов и ни разу больше не уга-
дал. Везло ему "по своей системе" с пере-
менным успехом, действовал он очень остро-
рожно, чаще оказывался в небольшом минусе,
но это его не обескураживало.

В десятом часу вечера, в разгар игры,
к столу подошел... Федор Михайлович Дстоев-
ский в темно-сером на все пуговицы застег-
нутом сюртуке. Присутствующие расступились.
Федор Михайлович был чрезвычайно мрачен
и взвинчен: редяющие волосы встре-
паны, глаза лихорадочно блестя. Он протя-
нул крупные фишку в 50 евро и сказал: "Зеро".
Крупье поставил, бросил шарик, объявил
свое "нихт мер!". "Зеро" не выпал. Крупье
равнодушно изрек "Шадэ" (жаль — нем.)
и смело проигравшие фишки в лузу. "Merde!
Parbleu!" — громко сказал Федор Михайло-
вич, махнул рукой и быстро пошел прочь. Иг-
рать дальше ему было не на что.

— Это повторяется каждый вечер, — пояс-
нил "математик" из Петербурга, — он рискует
крупной суммой, быстро проигрывает, ру-
гается по-французски и уходит.

— А по-русски слабо — спросил я.

— Нет, по-русски он себе не позволяет.
Самодисциплина! — уважительно произнес
мой новый знакомый.

Я отправился бродить. В "Комнате марк-
графа" немногочисленные игроки в покер об-
разовали замкнутые профессиональные сооб-
щества. В "Салоне Помпадур" за столами для
рулетки и вокруг курили, атмосфера там
вполне соответствовала "гнезду порока", как
любят подавать игорный дом кинематогра-
фисты. Когда солист в "Зимнем саду" объя-
вил перерыв, и музыканты покинули сцену,
я вернулся в первый от входа зал.

Здесь новая фигура привлекла мое внима-
ние. По залу расхаживал фронт XIX века в чер-
ном фраке, из-под которого выглядывали бе-
лейшие сорочка и атласный жилет. Это был
брюнет лет тридцати с волосами почти до
плеч и выбритыми до синевы запавшими ще-
ками. Никакие эмоции не читались на его ли-
це. В правой руке он держал лакированную
трость и белый батистовый платок, в левой —
цилиндр. Так мог бы выглядеть герой бальза-
ковского романа, какой-нибудь Растинька.
Женщины оглядывались и перешептывались.
Фронт подходил к игорному столу, смотрел
на экран, где стояли последние выпавшие но-
мера, наблюдал за игрой и шел к следующе-
му. Наконец он вынул из жилетного кармана
фишку, поставил на группу из шести номеров
и выиграл. И тут же отправился к кассе полу-
чать выигрыш.

От этих наблюдений меня отвлек специа-
лист по теории вероятностей.

— У вас остались еще фишки? — спросил он.

— Остались.

— Я не понимаю, что вы здесь делаете. Вы
практически не играете.

— Я отмечаю здесь день рождения.

— Мои поздравления! Предлагаю вам вы-
годное вложение капитала. Вы отдаете мне
свои фишки, я верну вам в три раз больше,
чем они стоят. Это будет хорошим подарком.

Я согласился, он деловито пересчитал по-
лученные фишки и ушел.

К полудню нужно было сдать номер и уез-
жать. Но мы еще не всё сделали: не нашли
памятник Достоевскому. Оставив багаж
в отеле, отправились на поиски и отыскиали
его в живописном лесопарке за "Термами Ка-
ракаллы". Памятник "свежий", установлен
в 2004 году, автор — российский скульптор
Леонид Баранов. Бронзовый Федор Михай-
лович в тесном сюртуке (точно в таком он яв-
лялся играть), стоит босой, не без усилий со-
храняя равновесие, на примятом шаре. Отно-
сительно постаментов мнения разделились:
одни считают его шариком на колесе рулет-
ки, другие — символом планеты Земля. Од-
но, кстати, не исключает другого. Поза, фигу-
ра и выражение лица Достоевского указы-
вают на то, что в Баден-Бадене он потерпел
крах. Еще бы, проиграть всё, включая обру-
чальное кольцо жене! Хотя как посмотреть,
потом зато "Игрок" написал. В грустных осен-
них красках памятник выглядел уместно. А по
весне — климат тут почти средиземномор-
ский — наверняка контрастирует с окружаю-
щим радостным цветением.

Надо будет проверить эту догадку,
приехать в Баден-Баден весной.

Сергей ОСТАШКО

Репортаж с ногой на шее

Вот и сбылась мечта идиота. Если может
быть мечтой, хотя бы и идиота, расставание
с собственной частью тазобедренной плоти
и замена ее инородной железкой, пусть да-
же и изготовленной на лучшем тазобедрен-
ном предприятии мира.

Вообще говоря, это довольно странная
шиза — вставлять в себя никелированное
украшение стоимостью 5800 долларов, ко-
торым впоследствии будет невозможно ни
перед кем похвастаться. Но что делать, если
твой родной тазобедренный сустав упорно
болит уже третий год, а твой способ пере-
движения вызывает у окружающих нездоровые
ассоциации с "porno-двигательным
аппаратом".

Впервые о необходимости менять сустав
врачи заговорили в апреле, но должно было
пройти полгода, чтоб этот гипотетический
ужас материализовался в реальную хирур-
гическую жуть. Последние судорожные по-
пытки вылечить невылечиваемое, оттянуть
неоттягиваемое и избежать неизбежного —
и вот я в областной больнице у профессора
Александра Николаевича Поливоды. Именно
он лет 13 назад начинал делать в Одессе
операции по эндопротезированию. И теперь
у него есть ученики по всей Украине.

Первая встреча была короткой.

— Вот вам книжечка, почитайте.

Написанную профессором памятку
"Жизнь с искусственным суставом" изучали
всей семьей. А заодно и его сайт:
<http://endoprotez.odessa.ua>.

В книге с неиссякаемым оптимизмом из-
лагались леденящие душу подробности опе-
рации, а также описывались конструкции ис-
кусственных суставов. Оказалось, что самый
простой и дешевый сустав — однополюс-
ный. Это когда тебе меняют только одну
часть сочленения. То есть отрезают родную
шейку бедра, а вместо нее на длинном ме-
таллическом стержне в кость собственно
бедра вкалывают (или вцементируют, я так
и не понял) тоже шейку, но уже металличе-
скую. Такая операция длится полчаса, начи-
ная нагружать ногу после нее можно чуть ли
не на следующий день, водить машину — че-
рез неделю, а кататься на велосипеде — че-
рез месяц. Во всяком случае, так утвержда-
ли мои друзья, знакомые знакомых которых
через это прошли. Гарантия нормальной ра-
боты такого сустава — 5 лет, поэтому его
ставят, в основном, людям старше 70 лет.

Более надежный, но и более дорогой спо-
соб — замена одновременно обеих частей
еле живого тазобедренного шарнира. Эта
операция длится более полутора часов,
а реабилитационный период достигает трех
месяцев. Но зато гарантированный срок —
15-20 лет.

Именно такую операцию и порекомендо-
вал мне профессор во время следующей
встречи. "Вы же еще совсем молодой!" —
мотивировал он.

...Палата оказалась маленькой, но на
удивление функциональной. "Большое ку-
пе" — охарактеризовал ее сын, когда
приехал меня навестить. У стен стояли две
очень умные ортопедические кровати на ко-
лесах. Они умели ездить по палате, стано-
виться выше и ниже, поднимать и опускать
изголовье и, наверное, могли бы готовить
кофе, если бы нам кто-то показал, на какой
рычажок для этого нужно нажать. В межкро-
ватный промежуток тютелька в тютельку
влезало последнее слово тумбочкового ди-
зайна. Оно было тоже на колесах, в разные
стороны выдвигались ящички, вверх вытас-
кивалась доска, которая легким движением
руки превращалась в элегантный накроват-
ный столик. На столик можно было поста-
вить кофе, приготовленного умной кроватью
или не менее умной женой, которая догада-
лась захватить из дома электрочайник.

Собственно, еще с утра понедельника бы-
ло неясно, когда операция. Все зависело от
результатов назначенного на утро УЗИ вен,
которое почему-то называлось Допплер-ис-
следование. Но Допплер дал свой положи-
тельный эффект. УЗИ не зафиксировало
тромбов, и профессор сказал: "Оформляй-
тесь". И тут же пригласил анестезиолога Ва-
дима Корнелиевича Горшкова. Именно он
и сообщил мне интересную подробность:
наркоз будет не общим, а спинальным. Это
значит, что мне отключат чувствительность
нижней части тела, а верхняя будет все слы-
шать и переживать.

— Ну и что же должен чувствовать чело-
век, который во время операции слышит, как
пилят его кость? — поинтересовался я.

— А я дам вам такую анестезию, что это
вас волновать абсолютно не будет, — отве-
тил доктор. И оказался прав. Лежа на опера-
ционном столе, я только по звуку фикси-
ро-

вал: "Ага, заработала циркулярка, видно, от-
пиливают шейку бедра. А вот пошла в ход ку-
валда. Наверное, вколачивают в кость ме-
таллический сустав. А это уже шурупо-
верт...". И что самое интересное, меня все
эти действия абсолютно не волновали.

Вначале, узнав, что наркоз будет мест-
ным, я решил постараться все запомнить,
чтобы впоследствии написать репортаж
с собственной операции. И действительно,
я прекрасно запомнил девушку, побившую
меня во всех местах, вечернюю, а затем
и утреннюю клизму, дорогу в операционную,
которую я преодолел самостоятельно и без
палочки.

Помню анекдот, рассказанный при входе
в это стерильную преисподнюю.

Просыпается больной после операции
и видит, что у него забинтованы два места.
Он зовет сестру.

— Сестричка, что такое? Мне ж должны
были всего лишь вырезать аппендицит?

— Вы понимаете, больной, вам просто
повезло. Только вам дали наркоз, как в боль-
ницу пришел САМ доктор Кац. Он увидел вас
в операционной и изъявил желание лично
сделать операцию. Представляете, ЛИЧНО!
К нему в очередь записываются за два меся-
ца, а тут сам захотел. А когда оперирует док-
тор Кац, — это же поэма, балет, высокое ис-
кусство. И посмотреть на это сбежалась вся
больница. И когда медицинское светило на-
ложило последний шов, раздались такие ап-
лодисменты, что доктор Кац на бис сделал
вам обрезание.

Помню, как я забеспокоился, когда сест-
ричка в первый раз спросила меня: "Какую
ногу будем оперировать?". И как Корнелие-
вич успокоил, что этот вопрос я услышу еще
не раз. И действительно, с каждым следу-
ющим разом я ощущал растущую уверенность,
что вероятность ошибки уменьшается.

Помню вопрос, заданный анестезиоло-
гом, какую мелодию я предпочитаю, — у них
принято, чтобы во время операции звучала
музыка, а вот ее жанр зависит от пожеланий
клиента, то бишь больного. Помню еще один
странноватый вопрос, что мне удобнее:
свернуться на операционном столе калачи-
ком или сесть и пригнуть голову к коленям.
Оказалось, что в одной из этих поз анесте-
зиолог должен ввести обезболивающую от-
ключку в позвоночник.

После укола желание все запоминать как-
то притупилось. Сестрички еще переговари-
вались, ворочали меня, но мне это было уже
все равно. На уровне груди поставили заго-
родку-экран, чтобы я ничего не видел, и я за-
крыл глаза, чтобы видеть еще меньше.

Боли никакой не было. Но я четко чувство-
вал, когда ассистент по команде профессо-
ра поднимал мою ногу, поворачивал ее. Я
немедленно поделился своим открытием
с анестезиологом, благо дело его тень все
время виднелась в районе бокового зрения
моей головы. Периодически доктор накло-
нялся и спрашивал: "Как самочувствие?".
В тот момент оно волновало его гораздо
больше, чем меня.

На фоне легкой музыки как бы в отдале-
нии слышался голос профессора. Он что-то
говорил ассистентам, наверняка что-то
важное, но запоминать даже это важное не
хотелось. На следующий день я сказал про-
фессору, что слышал все, о чем они говори-
ли. Заслуженный эскулап страны, доктор
медицинских наук, заведующий Центром
эндопротезирования покраснел, как перво-
курсник, и стал оправдываться, что во вре-
мя операции не всегда получается выбирать
выражения. Оказалось, больше всего он
удивился, когда увидел мой сустав не на
рентгеновском снимке, а воочию. Даже не
сустав, а то, что от него осталось. Собствен-
но, никакого сустава не было. Разрушаю-
щаяся кость при ходьбе терлась о разрушаю-
щуюся кость, вызывая еще большие разру-
шения. "И как он со всем этим ходил?" —
всплыла из оперативной, вернее, опера-
ционной памяти подслушанная сквозь нар-
коз фраза. Вернее, не фраза, а смысл, пото-
му что слова были другие.

Сама операция заняла часа полтора,
но в операционной в общей сложности
я провел часа четыре.

— Уже все, — наклонился ко мне Корне-
лиевич, — осталось только зашить.

— Ну, и когда уже, наконец, "все"? —
спросил я его минут через двадцать.

— Остался последний шов.

Аплодисментов я, слава Богу, не услышал.
В реанимацию на второй этаж меня отвез
лично Вадим Корнелиевич.

— Так положено, — отвечал он на мои
слабые возражения: "А может быть, в пала-
ту?". — Здесь постоянно дежурят врач и три
сестрички. Если что-то, не дай Бог, пойдет не
так, они знают, что делать.

И мне вспомнился еще один послеопера-
ционный анекдот.

Везет санитар больного после операции.
А тот канючит:

— Санитар, а может быть, все-таки в реа-
нимацию?

— Больной, не занимайтесь самолече-
нием! Доктор сказал в морг, — значит,
в морг.

Оказалось, что реанимация — это боль-
шая зала, перегороденная шкафами. С од-
ной стороны лежал я и еще три послеопера-
ционных страдальца, а с другой еле слыша-
лись слабые женские голоса. Очевидно, там
лежали страдальцы. Но они на тот момент
мне были безразличны.

В реанимацию я приехал на собственной
кровати, той самой, на колесиках, на кото-
рой меня утром брили. Поэтому на ней оста-
лись, извините за тавтологию, остатки сбри-
тых волос. Но на тот момент, пока еще низ-
няя честь тела не обрела чувствительность,
этот факт меня не волновал. А вот какой во-
прос меня действительно волновал, вы
в жизни не догадаетесь. Доехав на послеопе-
рационном ложе до реанимации и окинув
мутноватым взором залу, я спросил у персо-
нала: "А книги читать можно?". И получил
изумленно-утвердительный ответ, тут же по-
просил Диночку принести мне источник зна-
ний. Даже на всякий случай два. Забегая
вперед, скажу, что именно эти две книги
и помогли мне скоротать первые послеопе-
рационные сутки. Мне просто повезло —
кровать стояла возле стола сестричек,
над которым свет не выключался всю ночь.

Спать в первые сутки не хотелось. Тем бо-
лее, спать на спине я тогда не умел. Когда гла-
за начинали слипаться, я откладывал книгу
и затаил до того момента, как сестричка при-
ходила в очередной раз меня реанимировать.

В реанимацию я прибыл упакованный, как
Рембо. В правом плече торчала кольчуга для
подключения капельницы, куда их бесперыв-
но и подключали. В левом — шприц, запол-
ненный чем-то зеленым. "Это обезболиваю-
щее, — объяснил доктор. — Когда заболит, ска-
жете сестричке, и она вам введет". В проопери-
рованной ноге чуть пониже шва болтались
две гофрированные баночки, в которые че-
рез прозрачные трубки дренажа прямо из
тела вытекала то ли кровь, то ли сукровица.
Из еще одного места тянулся катетер.

Боли как таковой не было. Когда я ощу-
пывал себя, возникало странное ощущение,
что вот, сверху до пояса — это я, а сразу ни-
же пояса, очень резко, уже не я, а какая-то
тепловатая туша. Прооперированная нога
лежала в гипсовом сапожке для фиксации,
а между ногами находилась трапецевидная
подушка, предотвращающая возможность
сведения ног. Вначале такая предосторож-
ность показалась мне излишней, так как не
то что двинуть или свести ноги, но даже по-
шевелить их пальцами я не мог. И только
много позже, когда ночью во сне я чисто ма-
шинально попытался перевернуться на бок,
а сапожок мне не дал, я понял всю мудрость
этой конструкции.

Но это было уже в палате, где я провел две
недели. Где научился не только шевелить но-
гами, но и делать ими зарядку, стоять на ко-
стылях, сидеть на унитазах, лежать за столом
и даже спать на спине. А научился я всему
этому благодаря неусыпной заботе моей
Диночки, под чутким руководством сестри-
чек Светочки, Олечки, Людочки, Леночки,
Ирочки и, конечно же, постоянно внима-
нию профессора доктора медицинских наук
Александра Николаевича Поливоды, леча-
щего врача ортопеда-травматолога Игоря
Емельяновича Щербины и врача-анестезио-
лога кандидата медицинских наук Вадима
Корнелиевича Горшкова. Дай им всем Бог
здоровья, счастья и успехов в заботе о боль-
ных во веки веков, амины!

Собрались поохотиться на уток четыре
врача: терапевт, психиатр, хирург и патоло-
гоанатом.

Вылетает из кустов утка.

Терапевт: Вот утка. Или не утка? А может,
все-таки утка? Черт его знает...

Улетела утка. Вылетает вторая.

Психиатр: Вот утка. Но это я знаю, что это
утка. А знает ли утка, что она утка?

Улетела утка. Вылетает третья.

Хирург: ба-бах из двух стволов. Кричит па-
тологоанатом:

— Вась, посмотри, — там утка была или что?

— Пожалуйста, здесь все открыто, — раз-
решил он.

— Говорят, после первого выигрыша надо
уходить и больше в этот день не играть.

— Чепуха и суеверие! Я математик, специа-
лист по теории вероятностей, у меня другой
подход... Я играю по своей системе.

Поскольку он ходил от стола к столу, я стал
следовать за ним и время от времени обме-
ниваться репликами. Постепенно выясни-
лось, что он прибыл из Петербурга и живет
в Баден-Бадене уже два месяца. На вопрос
об отеле неохотно ответил, что часто меняет
место дислокации, больше я об этом не спра-
шивал. Система его, насколько я мог понять,
состояла в том, чтобы ставить на группы но-
меров так, чтобы перекрыть большую часть
поля, на единственный номер он ставил лишь
на одном из столов и ни разу больше не уга-
дал. Везло ему "по своей системе" с пере-
менным успехом, действовал он очень остро-
рожно, чаще оказывался в небольшом минусе,
но это его не обескураживало.

В десятом часу вечера, в разгар игры,
к столу подошел... Федор Михайлович Дстоев-
ский в темно-сером на все пуговицы застег-
нутом сюртуке. Присутствующие расступились.
Федор Михайлович был чрезвычайно мрачен
и взвинчен: редющие волосы встре-
паны, глаза лихорадочно блестя. Он протя-
нул крупные фишку в 50 евро и сказал: "Зеро".
Крупье поставил, бросил шарик, объявил
свое "нихт мер!". "Зеро" не выпал. Крупье
равнодушно изрек "Шадэ" (жаль — нем.)
и смело проигравшие фишки в лузу. "Merde!
Parbleu!" — громко сказал Федор Михайло-
вич, махнул рукой и быстро пошел прочь. Иг-
рать дальше ему было не на что.

— Это повторяется каждый вечер, — пояс-
нил "математик" из Петербурга, — он рискует
крупной суммой, быстро проигрывает, ру-
гается по-французски и уходит.

— А по-русски слабо — спросил я.

— Нет, по-русски он себе не позволяет.
Самодисциплина! — уважительно произнес
мой новый знакомый.

Я отправился бродить. В "Комнате марк-
графа" немногочисленные игроки в покер об-
разовали замкнутые профессиональные сооб-
щества. В "Салоне Помпадур" за столами для
рулетки и вокруг курили, атмосфера там
вполне соответствовала "гнезду порока", как
любят подавать игорный дом кинематогра-
фисты. Когда солист в "Зимнем саду" объя-
вил перерыв, и музыканты покинули сцену,
я вернулся в первый от входа зал.

Здесь новая фигура привлекла мое внима-
ние. По залу расхаживал франт XIX века в чер-
ном фраке, из-под которого выглядывали бе-
лейшие сорочка и атласный жилет. Это был
брюнет лет тридцати с волосами почти до
плеч и выбритыми до синевы запавшими ще-
ками. Никакие эмоции не читались на его ли-
це. В правой руке он держал лакированную
трость и белый батистовый платок, в левой —
цилиндр. Так мог бы выглядеть герой бальза-
ковского романа, какой-нибудь Растиньек.
Женщины оглядывались и перешептывались.
Франт подходил к игорному столу, смотрел
на экран, где стояли последние выпавшие но-
мера, наблюдал за игрой и шел к следующе-
му. Наконец он вынул из жилетного кармана
фишку, поставил на группу из шести номеров
и выиграл. И тут же отправился к кассе полу-
чать выигрыш.

От этих наблюдений меня отвлек специа-
лист по теории вероятностей.

— У вас остались еще фишки? — спросил он.

— Остались.

— Я не понимаю, что вы здесь делаете. Вы
практически не играете.

— Я отмечаю здесь день рождения.

— Мои поздравления! Предлагаю вам вы-
годное вложение капитала. Вы отдаете мне
свои фишки, я верну вам в три раз больше,
чем они стоят. Это будет хорошим подарком.

Я согласился, он деловито пересчитал по-
лученные фишки и ушел.

К полудню нужно было сдать номер и уез-
жать. Но мы еще не всё сделали: не нашли
памятник Достоевскому. Оставив багаж
в отеле, отправились на поиски и отыскиали
его в живописном лесопарке за "Термами Ка-
ракаллы". Памятник "свежий", установлен
в 2004 году, автор — российский скульптор
Леонид Баранов. Бронзовый Федор Михай-
лович в тесном сюртуке (точно в таком он яв-
лялся играть), стоит босой, не без усилий со-
храняя равновесие, на примятом шаре. Отно-
сительно постаментов мнения разделились:
одни считают его шариком на колесе рулет-
ки, другие — символом планеты Земля. Од-
но, кстати, не исключает другого. Поза, фигу-
ра и выражение лица Достоевского указы-
вают на то, что в Баден-Бадене он потерпел
крах. Еще бы, проиграть всё, включая обру-
чальное кольцо жень! Хотя как посмотреть,
потом зато "Игрок" написал. В грустных осен-
них красках памятник выглядел уместно. А по
весне — климат тут почти средиземномор-
ский — наверняка контрастирует с окружаю-
щим радостным цветением.

Надо будет проверить эту догадку,
приехать в Баден-Баден весной.

Сергей ОСТАШКО

Репортаж с ногой на шее

Вот и сбылась мечта идиота. Если может
быть мечтой, хотя бы и идиота, расставание
с собственной частью тазобедренной плоти
и замена ее инородной железкой, пусть да-
же и изготовленной на лучшем тазобедрен-
ном предприятии мира.

Вообще говоря, это довольно странная
шиза — вставлять в себя никелированное
украшение стоимостью 5800 долларов, ко-
торым впоследствии будет невозможно ни
перед кем похвастаться. Но что делать, если
твой родной тазобедренный сустав упорно
болит уже третий год, а твой способ пере-
движения вызывает у окружающих нездоровые
ассоциации с "porno-двигательным
аппаратом".

Впервые о необходимости менять сустав
врачи заговорили в апреле, но должно было
пройти полгода, чтоб этот гипотетический
ужас материализовался в реальную хирур-
гическую жуть. Последние судорожные по-
пытки вылечить невылечиваемое, оттянуть
неоттягиваемое и избежать неизбежного —
и вот я в областной больнице у профессора
Александра Николаевича Поливоды. Именно
он лет 13 назад начинал делать в Одессе
операции по эндопротезированию. И теперь
у него есть ученики по всей Украине.

Первая встреча была короткой.

— Вот вам книжечка, почитайте.

Написанную профессором памятку
"Жизнь с искусственным суставом" изучали
всей семьей. А заодно и его сайт:
<http://endoprotez.odessa.ua>.

В книге с неиссякаемым оптимизмом из-
лагались леденящие душу подробности опе-
рации, а также описывались конструкции ис-
кусственных суставов. Оказалось, что самый
простой и дешевый сустав — однополюс-
ный. Это когда тебе меняют только одну
часть сочленения. То есть отрезают родную
шейку бедра, а вместо нее на длинном ме-
таллическом стержне в кость собственно
бедра вкалывают (или вцементируют, я так
и не понял) тоже шейку, но уже металличе-
скую. Такая операция длится полчаса, начи-
ная нагружать ногу после нее можно чуть ли
не на следующий день, водить машину — че-
рез неделю, а кататься на велосипеде — че-
рез месяц. Во всяком случае, так утвержда-
ли мои друзья, знакомые знакомых которых
через это прошли. Гарантия нормальной ра-
боты такого сустава — 5 лет, поэтому его
ставят, в основном, людям старше 70 лет.

Более надежный, но и более дорогой спо-
соб — замена одновременно обеих частей
еле живого тазобедренного шарнира. Эта
операция длится более полутора часов,
а реабилитационный период достигает трех
месяцев. Но зато гарантированный срок —
15-20 лет.

Именно такую операцию и порекомендо-
вал мне профессор во время следующей
встречи. "Вы же еще совсем молодой!" —
мотивировал он.

...Палата оказалась маленькой, но на
удивление функциональной. "Большое ку-
пе" — охарактеризовал ее сын, когда
приехал меня навестить. У стен стояли две
очень умные ортопедические кровати на ко-
лесах. Они умели ездить по палате, стано-
виться выше и ниже, поднимать и опускать
изголовье и, наверное, могли бы готовить
кофе, если бы нам кто-то показал, на какой
рычажок для этого нужно нажать. В межкро-
ватный промежуток тютелка в тютелку
влезало последнее слово тумбочкового ди-
зайна. Оно было тоже на колесах, в разные
стороны выдвигались ящички, вверх вытас-
кивалась доска, которая легким движением
руки превращалась в элегантный накроват-
ный столик. На столик можно было поста-
вить кофе, приготовленного умной кроватью
или не менее умной женой, которая догада-
лась захватить из дома электрочайник.

Собственно, еще с утра понедельника бы-
ло неясно, когда операция. Все зависело от
результатов назначенного на утро УЗИ вен,
которое почему-то называлось Допплер-ис-
следование. Но Допплер дал свой положи-
тельный эффект. УЗИ не зафиксировало
тромбов, и профессор сказал: "Оформляй-
тесь". И тут же пригласил анестезиолога Ва-
дима Корнелиевича Горшкова. Именно он
и сообщил мне интересную подробность:
наркоз будет не общим, а спинальным. Это
значит, что мне отключат чувствительность
нижней части тела, а верхняя будет все слы-
шать и переживать.

— Ну и что же должен чувствовать чело-
век, который во время операции слышит, как
пилят его кость? — поинтересовался я.

— А я дам вам такую анестезию, что это
вас волновать абсолютно не будет, — отве-
тил доктор. И оказался прав. Лежа на опера-
ционном столе, я только по звуку фиксиро-

вал: "Ага, заработала циркулярка, видно, от-
пиливают шейку бедра. А вот пошла в ход ку-
валда. Наверное, вколачивают в кость ме-
таллический сустав. А это уже шурупо-
верт...". И что самое интересное, меня все
эти действия абсолютно не волновали.

Вначале, узнав, что наркоз будет мест-
ным, я решил постараться все запомнить,
чтобы впоследствии написать репортаж
с собственной операции. И действительно,
я прекрасно запомнил девушку, побившую
меня во всех местах, вечернюю, а затем
и утреннюю клизму, дорогу в операционную,
которую я преодолел самостоятельно и без
палочки.

Помню анекдот, рассказанный при входе
в это стерильную преисподнюю.

Просыпается больной после операции
и видит, что у него забинтованы два места.
Он зовет сестру.

— Сестричка, что такое? Мне ж должны
были всего лишь вырезать аппендицит?

— Вы понимаете, больной, вам просто
повезло. Только вам дали наркоз, как в боль-
ницу пришел САМ доктор Кац. Он увидел вас
в операционной и изъявил желание лично
сделать операцию. Представляете, ЛИЧНО!
К нему в очередь записываются за два меся-
ца, а тут сам захотел. А когда оперирует док-
тор Кац, — это же поэма, балет, высокое ис-
кусство. И посмотреть на это сбежалась вся
больница. И когда медицинское светило на-
ложило последний шов, раздались такие ап-
лодисменты, что доктор Кац на бис сделал
вам обрезание.

Помню, как я забеспокоился, когда сест-
ричка в первый раз спросила меня: "Какую
ногу будем оперировать?". И как Корнелие-
вич успокоил, что этот вопрос я услышу еще
не раз. И действительно, с каждым следу-
ющим разом я ощущал растущую уверенность,
что вероятность ошибки уменьшается.

Помню вопрос, заданный анестезиоло-
гом, какую мелодию я предпочитаю, — у них
принято, чтобы во время операции звучала
музыка, а вот ее жанр зависит от пожеланий
клиента, то бишь больного. Помню еще один
странноватый вопрос, что мне удобнее:
свернуться на операционном столе калачи-
ком или сесть и пригнуть голову к коленям.
Оказалось, что в одной из этих поз анесте-
зиолог должен ввести обезболивающую от-
ключку в позвоночник.

После укола желание все запоминать как-
то притупилось. Сестрички еще переговари-
вались, ворочали меня, но мне это было уже
все равно. На уровне груди поставили заго-
родку-экран, чтобы я ничего не видел, и я за-
крыл глаза, чтобы видеть еще меньше.

Боли никакой не было. Но я четко чувство-
вал, когда ассистент по команде профессо-
ра поднимал мою ногу, поворачивал ее. Я
немедленно поделился своим открытием
с анестезиологом, благо дело его тень все
время виднелась в районе бокового зрения
моей головы. Периодически доктор накло-
нялся и спрашивал: "Как самочувствие?".
В тот момент оно волновало его гораздо
больше, чем меня.

На фоне легкой музыки как бы в отдале-
нии слышался голос профессора. Он что-то
говорил ассистентам, наверняка что-то
важное, но запоминать даже это важное не
хотелось. На следующий день я сказал про-
фессору, что слышал все, о чем они говори-
ли. Заслуженный эскулап страны, доктор
медицинских наук, заведующий Центром
эндопротезирования покраснел, как перво-
курсник, и стал оправдываться, что во вре-
мя операции не всегда получается выбирать
выражения. Оказалось, больше всего он
удивился, когда увидел мой сустав не на
рентгеновском снимке, а воочию. Даже не
сустав, а то, что от него осталось. Собствен-
но, никакого сустава не было. Разрушаю-
щаяся кость при ходьбе терлась о разрушаю-
щуюся кость, вызывая еще большие разру-
шения. "И как он со всем этим ходил?" —
всплыла из оперативной, вернее, опера-
ционной памяти подслушанная сквозь нар-
коз фраза. Вернее, не фраза, а смысл, пото-
му что слова были другие.

Сама операция заняла часа полтора,
но в операционной в общей сложности
я провел часа четыре.

— Уже все, — наклонился ко мне Корне-
лиевич, — осталось только зашить.

— Ну, и когда уже, наконец, "все"? —
спросил я его минут через двадцать.

— Остался последний шов.

Аплодисментов я, слава Богу, не услышал.
В реанимацию на второй этаж меня отвез
лично Вадим Корнелиевич.

— Так положено, — отвечал он на мои
слабые возражения: "А может быть, в пала-
ту?". — Здесь постоянно дежурят врач и три
сестрички. Если что-то, не дай Бог, пойдет не
так, они знают, что делать.

И мне вспомнился еще один послеопера-
ционный анекдот.

Везет санитар больного после операции.
А тот канючит:

— Санитар, а может быть, все-таки в реа-
нимацию?

— Больной, не занимайтесь самолече-
нием! Доктор сказал в морг, — значит,
в морг.

Оказалось, что реанимация — это боль-
шая зала, перегороденная шкафами. С од-
ной стороны лежал я и еще три послеопера-
ционных страдальца, а с другой еле слыша-
лись слабые женские голоса. Очевидно, там
лежали страдальцы. Но они на тот момент
мне были безразличны.

В реанимацию я приехал на собственной
кровати, той самой, на колесиках, на кото-
рой меня утром брили. Поэтому на ней оста-
лись, извините за тавтологию, остатки сбри-
тых волос. Но на тот момент, пока еще низ-
няя честь тела не обрела чувствительность,
этот факт меня не волновал. А вот какой во-
прос меня действительно волновал, вы
в жизни не догадаетесь. Доехав на послеопе-
рационном ложе до реанимации и окинув
мутноватым взором залу, я спросил у персо-
нала: "А книги читать можно?". И получил
изумленно-утвердительный ответ, тут же по-
просил Диночку принести мне источник зна-
ний. Даже на всякий случай два. Забегая
вперед, скажу, что именно эти две книги
и помогли мне скоротать первые послеопе-
рационные сутки. Мне просто повезло —
кровать стояла возле стола сестричек,
над которым свет не выключался всю ночь.

Спать в первые сутки не хотелось. Тем бо-
лее, спать на спине я тогда не умел. Когда гла-
за начинали слипаться, я откладывал книгу
и затихал до того момента, как сестричка при-
ходила в очередной раз меня реанимировать.

В реанимацию я прибыл упакованный, как
Рембо. В правом плече торчала кольчуга для
подключения капельницы, куда их бесперыв-
но и подключали. В левом — шприц, запол-
ненный чем-то зеленым. "Это обезболиваю-
щее, — объяснил доктор. — Когда заболит, ска-
жете сестричке, и она вам введет". В проопери-
рованной ноге чуть пониже шва болтались
две гофрированные баночки, в которые че-
рез прозрачные трубки дренажа прямо из
тела вытекала то ли кровь, то ли сукровица.
Из еще одного места тянулся катетер.

Боли как таковой не было. Когда я ощу-
пывал себя, возникало странное ощущение,
что вот, сверху до пояса — это я, а сразу ни-
же пояса, очень резко, уже не я, а какая-то
тепловатая туша. Прооперированная нога
лежала в гипсовом сапожке для фиксации,
а между ногами находилась трапецевидная
подушка, предотвращающая возможность
сведения ног. Вначале такая предосторож-
ность показалась мне излишней, так как не
то что двинуть или свести ноги, но даже по-
шевелить их пальцами я не мог. И только
много позже, когда ночью во сне я чисто ма-
шинально попытался перевернуться на бок,
а сапожок мне не дал, я понял всю мудрость
этой конструкции.

Но это было уже в палате, где я провел две
недели. Где научился не только шевелить но-
гами, но и делать ими зарядку, стоять на ко-
стылях, сидеть на унитазе, лежать за столом
и даже спать на спине. А научился я всему
этому благодаря неусыпной заботе моей
Диночки, под чутким руководством сестри-
чек Светочки, Олечки, Людочки, Леночки,
Ирочки и, конечно же, постоянно внима-
нию профессора доктора медицинских наук
Александра Николаевича Поливоды, леча-
щего врача ортопеда-травматолога Игоря
Емельяновича Щербины и врача-анестезио-
лога кандидата медицинских наук Вадима
Корнелиевича Горшкова. Дай им всем Бог
здоровья, счастья и успехов в заботе о боль-
ных во веки веков, амины!

Собрались поохотиться на уток четыре
врача: терапевт, психиатр, хирург и патоло-
гоанатом.

Вылетает из кустов утка.

Терапевт: Вот утка. Или не утка? А может,
все-таки утка? Черт его знает...

Улетела утка. Вылетает вторая.

Психиатр: Вот утка. Но это я знаю, что это
утка. А знает ли утка, что она утка?

Улетела утка. Вылетает третья.

Хирург: ба-бах из двух стволов. Кричит па-
тологоанатом:

— Вась, посмотри, — там утка была или что?

Вера САВЧЕНКО

1. Рождественская сказка

В зимние вечера, когда тихо, будто падающий снег, приближаются рождественские и новогодние праздники, дома и улицы города преобразуются и приобретают сказочную праздничность... Зажигаются огни, мерцают свечи... Наверняка в заснеженных мешках Санта Клаусов и Дедов Морозов среди сверкающих игрушек и украшений таятся маленькие изящные флакончики, из которых исходит на всех нас — и малых, и великих — особый дух детства и веры в чудеса. В одном месте его можно было определенно ощутить. Это выставка Ольги Котовой в арт-кофейне "Salieri", где в период рождественско-новогодних праздников благодаря работам художницы и общей празднично-уютной атмосфере можно было вдохнуть чудесный букет из ароматов детства, нежности и тайны.

Ольга Котова, несомненно, является одним из лидеров поколения, выступившего на авансцену искусства в 90-е годы XX века. Это

молодой и, тем не менее, хорошо узнаваемый, сформировавшийся автор, со своим индивидуальным почерком и лицом.

Сегодня Ольга находится в расцвете творческих возможностей, плодотворно работает, пишет, активно выставляет произведения в групповых и персональных экспозициях, раскрывая свой многосторонний потенциал. Этому способствует и большая школа, разнообразная подготовка художницы (в Одессе учеба в Грековке и Академии художеств им. Леонардо да Винчи, в Южно-украинском педагогическом университете, а кроме того в Афинской академии искусств, на стажировке в Париже, в Киеве, в связи с аспирантурой — у известного украинского историка искусства Д.Е. Горбачева), и ее яркие индивидуальные качества.

О. Котова может сегодня представлять не только талантливые живописные и графические работы. Нередко она выступает и как арт-критик (напомню о том, что в 2009 году

художница защитила кандидатскую диссертацию по искусствоведению). Человек с богатым внутренним миром, она раскрывается и как вдумчивый аналитик искусства, и как его поэт (например, с точными образными "заметками на полях" своих размышлений о художественном творчестве).

Однако вернемся к выставке О. Котовой, в связи с которой возник разговор. Она особая, камерная и интимная. Здесь далеко не вся Ольга — живописец, но в то же время эти работы (около 30) представляют художницу довольно объемно.

Характерной чертой ее творчества является разнообразие — богатство тем, жанров, техник, которым она открыта, с которыми легко и свободно обращается (недаром в ее послужном списке немало почетных наград и премий за участие в ряде репрезентативных конкурсов и выставок).

И в данной экспозиции Ольга представила холсты и доски, натюрморты и пейзажи, фи-

гурные композиции и своеобразные типы-портреты. Когда смотришь на эти работы, явственно ощущаешь вовлеченность в сложный многоплановый диалог с художественно-культурными мирами, с Мастерами прошлого и настоящего, в котором у Котовой звучат собственные интонации, чувствуется свой взгляд на мир... Одесские мастера — Егоров, Слешинский, Хрущ, а с другой стороны, мировое искусство, в частности, одни из самых любимых Веласкес и Модильяни, дают Ольге возможность создавать теперь уже свои замечательные образы.

Многие из них овеяны духом литературы, лирикой и романтизмом, прочно связавшими художницу с "Алыми парусами" Грина и, возможно, сказками Андерсена, с их прозой и волшебством, печалью и просветленностью, внешней простотой и мудростью...

Работы этой выставки, словно таинственное вальсирование фантазии художницы, плавными взмахами преобразующей привычные и обыденные вещи — стул, вешалку или ветку засушенных роз, старинную фотографию или чашку с молочником, череду зимних припорошенных снегом крыш. В каждой из них мерцает свет рождественско-новогодней сказки, в которой мы, как некогда, много-много лет назад, вновь обретаем способность верить чуду.

2. Саша Дмитриев: "эстет" и "миротворец"

В последние дни минувшего года ушел из жизни известный одесский художник, керамист, скульптор, живописец А.В. Дмитриев, ему было 67. Умер в больнице, неожиданно для всех... Его кончина невосполнима не только для многих одесситов, его хорошо знали и о нем искренно скорбят и в других городах Украины, в ближнем и дальнем зарубежье.

Профессиональные заслуги мастера, "эстета" высшей пробы, были отмечены при жизни. Хотя, несомненно, в меньшей мере по сравнению с тем, что он сделал. И даже присвоение звания заслуженного деятеля искусств Украины не состоялось из-за внезапной смерти. Скромный и интеллигентный, он никогда не расталкивал локтями своих близких и дальних, и потому награды и привилегии оказались, в общем-то, вне его жизненного пути. Хотя, по большому

счету, он не слишком стремился к их получению, то есть это никогда не было для него самоцелью. Гораздо больше художника волновала погруженность в творческий процесс, освоение разнообразных его сторон, открытие новых граней жизни... Помимо разных видов изобразительного искусства, где он проявил себя профессионально, его увлекала поэзия, музыка, кино, археология...

Вдумчивый полный анализ созданных им произведений еще предстоит, им было сделано немало, и нам следует внимательно отнестись к этому наследию. Но сейчас, пока свежа память, хотелось бы сказать об Александре Владимировиче как о человеке.

Дмитриев был большим эрудитом, знатоком различных областей человеческой деятельности, многим интересовался и многое умел делать сам. Наверно, широ-

та диапазона его собственных дарований обеспечивала ему замечательную открытость другим, глубокою искреннюю доброжелательность и способность нести свет, мир, участие в полную всяческих несовершенств реальность.

Он был вполне светским и земным человеком. Ценил вкусную пищу и напитки, ему нравилось самому готовить, он любил и умел танцевать, шутить, лукаво подтрунивать... В Александре Владимировиче не было ни грана пафосности, даже наоборот... И при всем том сейчас видишь, как в этом веселом легком джентльмене явственно проступали черты... миротворца.

Он мог принять и вложить в себя, в свою душу многое и многих. В артистической среде, где болезненная амбициозность, зависть и соперничество, увы, столь часты, Дмитриев занимал позицию удивительной чистоты

и бескорыстности. Художники-профессионалы говорят о том, с какой щедростью он делился тем, что знал и умел. Причем с ним так было всегда, и его ничуть не изменили новые условия и правила жизни. С каким подлинным великодушием он относился к молодым, искренне радовался их успехам! Будучи мягким и неконфликтным человеком, с каким тактом и одновременно принципиальностью он становился на защиту других...

Дмитриев был той редкой личностью, которая проявляла внимание и сочувствие к другому, не потому что так предусмотрено правилами вежливости, или, тем более, не потому что это могло принести ему какую-либо личную выгоду, а оттого что он по-настоящему искренне любил людей. С ним хотелось делить и трудные, и радостные моменты жизни. И в этом состоял его большой человеческий талант...

3. "Быть свободным и не лгать себе"

Министерством культуры Украины было принято решение о том, что в этом году на Венецианском бьеннале нашу страну будет представлять одесситка Оксана Мась. Ее проект — гигантская инсталляция фрагмента Гентского алтаря, составленная из крашенных яиц-писанок. В прошлом году художница создавала из этих же элементов лик Богоматери... Проект имел широкую огласку, был показан во многих странах мира. Благодаря Интернету его могли обсуждать все, чье внимание он привлекал... В определенном смысле символичным было обращение к нему студентов философского факультета одесского университета в арт-проекте "Образ мысли", поскольку сама О. Мась немногими годами ранее именно здесь получала высшее образование.

Вообще, Оксана Мась, сохраняя верность Одессе, уже достаточно давно работает и проводит значительную часть времени не только в Москве, где она тесно связана с "Айдан-галереей", но и во многих городах Европы и Америки. Еще два года назад, когда у нас состоялась примерно четырехчасовая беседа, художница рассказывала о своей жизни, путешествиях как неотъемлемой ее части, пребываниях в самых отдаленных точках земли.

Итак, свою включенность, я бы даже сказала, инкорпорированность в мировой арт-процесс Оксана Мась оценивает очень спокойно и как что-то само собой разумеющееся. Гораздо большим чудом и удачей с подлинно философским отношением она считает момент и факт своего рождения. "Из миллиона вероятий", — как писал А.Тарковский, "из бесчисленного множества возможных соединений сперматозоидов и яйцеклеток родителей, — говорит О. Мась, — шанс появиться на свет и прожить жизнь выпал именно мне, а не кому-либо из моих потенциальных братьев или сестер".

Художник — это, прежде всего, тот, кто видит и чувствует нечто гораздо острее, нежели остальные. Думаю, что для Оксаны Мась глубокое осознание и переживание уникальности жизни, ее возникновения и индивидуального развития — есть одна из самых главных тем, неотступно волнующих ее творческое сознание. Но во многом это и стержневая составляющая ее жизненных ценностей и установок.

Я расспрашивала художницу о детстве. Ее отец — инженер-конструктор, получивший огромное количество наград за собственные изобретения. Видимо, именно тогда в подсознании формировалось и закладывалось убеждение: "Для меня нет ничего невозможного". За свой пока еще не очень долгий век Оксана уже очень много путешествовала: она побывала в более чем пятидесяти странах, в том числе в очень экзотических местах, поднималась на высоту 5000 м на Тибете. Вероятно, отсюда проистекает не только естественность ее ощущения себя в любой точке земного шара, но и внутренне не стесненное и не отчужденное космическими расстояниями размышление о пребывании человека далеко за пределами сферы земной оболочки. Кстати, это дает импульс ее неофутуристским художественным исследованиям кинетизма в серии "Драйв".

Сегодня творчество Оксаны Мась — это, бесспорно, плоть от плоти "contemporary art". Однако, что особенно ценно, она не просто представляет это искусство, но, думаю, что и в значительной степени моделирует его настоящее и возможные будущие проекции. Очень многое в "contemporary art" питается постмодернистской иронией, зачастую переходящей грань цинизма и нивелирования всех существующих человеческих ценностей. Это дробящиеся до бесконечности образы перемешивания. У Оксаны же есть другое, и для нее самой, и для нас более глубокое и важное. Большинство постмодернистских произведений можно рассматривать и оценивать в эстетическом диапазоне "прикольно — неприкольно". Не умаляя как таковой возможной философической нагруженности и весомости этого критерия и не обсуждая его значимость в данном случае вообще, отметим, что у Оксаны Мась помимо "приколов", точно подмеченных несовпадений смысла и формы, мы видим и другое. Здесь присутствует серьезность. Не угрюмая и тяжеловесная, напротив, порой даже внешне нарочито легкая, будто случайная, небрежная и спонтанно изменяющаяся. В этом "вся Оксана", начиная с размахистых мазков на холстах огромных форматов, которые для нее, к слову, производят в индивидуальном порядке, поскольку "другие художники в Украине так не пишут". Тут и покрытые лаком, создающее множественность, фактурную импуль-

сивность, и в то же время размытость поверхности. И словно выправляющиеся из многочисленных оболочек персонажи в инсталляциях с прорванной и грубо скоманной целлулоидной пленкой. И фигуры или части тела, например, ладони, обретающие изобразительную плоть из сплетения бесчисленных тонких линий-нитей. И даже две устремленные вверх женские ноги, вдруг увиденные как стрелки часов, во "Времени по Гринвичу".

Она очень креативна, чрезвычайно трудолюбива. Постоянно движется вперед, пробуя воплощать волнующие ее мысли и чувства в новых техниках и формах, неустanno сочиняя, комбинируя и расширяя своими изобретениями "лексикон" современного искусства.

Ощущение хрупкости жизни, трепетности ее дыхания органично раскрывается в частом обращении к теме детства, в мотивах повседневно-мимолетности, фиксируемой, будто вспышкой фотоаппарата, и в рывке фигуры, метнувшейся к окну, и в случайных касаниях встреч, и в неумолимых разрывах, разбрасывающих людей с бешеной скоростью. Но это и спящий где-то на городской площади, а может, уже ушедший в иной мир гуру, ставший абсолютно соприродным птицам, окружившим его голубям. Или, как птички следы на снегу, тонко-графичные столбики человеческих теней, с черно-белой предельной четкостью схваченные мгновением.

Любопытно, как в ультрасовременных работах Оксаны Мась нет-нет да проступают ее творчески-исторические корни — южнорусской школы, продолженные "костандиевцами", а потом и следующими поколениями одесских мастеров, многие из которых преподавали в Грековке, где в 90-е училась будущая художница. Помимо любви к цвету и нередкому обращению к постановке колористических задач в сочной палитре приморского побережья у Оксаны, в отличие от многих других "актуальных" художников, есть еще и гуманное, антропоморфное измерение ее искусства, что было так свойственно лучшим традициям одесской школы в ее истоках и развитии.

И даже анализируя такие жестко-брутальные объекты, которые представляет Оксана Мась в "Феномене эпидермизма", я склонна усматривать в них "человеч-

ность", или точнее, завуалированное под умелой бутафорской имитацией тела побуждение к человеческому в нас. При этом я готова спорить с авторитетным арт-критиком Марией Кравцовой в том, что "Мась очеловечивает машину... Это уже не бездушный механизм, а нечто, облеченное в настоящую плоть, наделенное душой и обладающее индивидуальным характером". По-моему, все прямо противоположно. Это ближе к В. Бутусову, пропевшему о том, что "колеса любви проедут по нам" и "нас наматывает на колеса любви". Только то, что определенным образом существует в словесной форме, в визуально-пространственной обретаеет совсем иной характер. У Оксаны Мась эти колеса жуткие, натуралистически шокирующие. Да, она может использовать и такой язык. Она не боится быть свободной, вольной от чьих-либо мнений, поэтому пробует, изменяется и обретает себя в новом качестве.

Оксана Мась во многом "self-made", как говорят англичане. Она "делает себя" постоянно, ежедневным напряженным трудом и большой самоотдачей, веря в себя и принимая последствия "зарывания таланта в землю". Поэтому так остро она ощущает эту проблему и в отношении других, тех, кто психически и духовно вопиет о своей сегодняшней раздавленности — личностной или творческой несостоятельности. Возможно, об этом же с пронзительным криком говорят образы художницы — части человеческого тела, "оторвавшиеся" от самого человека.

Об этом же и "Пересадка сердца". В наш век все становится синтетическим, благодаря успехам медицины мы научились продлевать жизнь с помощью искусственных органов. Но сплошь и рядом мы закупориваем себя, свои сердца и души в иных искусственных оболочках — очень красивых, стильно-модных, сверкающих стразами, но превращающих нас из живых, способных развиваться, тянуться к свету и воздуху, в оформленные согласно новейшим дизайнерским находкам машины и механизмы.

Внимание к "внутреннему" человеку позволило Оксане сформулировать одно из важнейших жизненных правил: "Быть свободным и не лгать себе". То, чего художница добилась уже сегодня, делает звучание этих слов еще более убедительным.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ

СОБЕСЕДНИК ДЛЯ МАЛЕВИЧА

"Вот Малевич бегал по Витебску с деревянной кобурой-маузером загонял витеблян — рисовать..."

Владлен Дозорцев

— Это потому, что у него собеседника хорошего не было. Владлен, я попробовала подумывать над этой мыслью.

Неизлечимо влюбленная в бессонный час предрассветный, она смотрела, как тьма съедала себя. Сжималась в точку, до сухого остатка, превращающегося в тугую резиновую битую. Тогда она брала эту шайбу и утверждала на углу черной крышки пианино. Черное на черном, говорила вслух. Малевич отдыхает!

Приходил в шестом часу Малевич, ворчал на бессонницу, гонял чай, отдыхал и раздражал необязательными разговорами об искусстве живописи. Или искусстве рисунка. Или искусстве абстрактном — так, вообще, сам на сам, говорил помаленечку Малевич. Поглаживая маузер.

Она сердилась, и однажды пригласила собеседника для Малевича.

Собеседник гонял с Малевичем чай и говорил об искусстве политики так, как будто искусство живописи, а тем более рисунка, не существовало в принципе.

Билковский, — представлялся регулярно и чопорно Билковский, и толстым молодым плечом разворачивался к Малевичу — руку протягивая.

Малевич удивлялся, что внутри беседы начиналось представление, но стеснялся не принять

руку Билковского. В момент рукопожатия начинался полдень. И солнце сжигало тени. Билковский удивленно следил за растворяющимся рукопожатием. Растерянно стоял с протянутой рукой...

Она говорила Билковскому — я вас ценю. Вы мальчик-подмастерье, а не политик. Вы не подходите Малевичу как собеседник. Что вы можете предъявить мастеру, кроме рукопожатия? Билковский падал на колени, протягивал перстень... Я не первая, говорила она в ответ, ваше кольцо уже отвергали. Угасните. И Билковский угасал на задворках дня, где уже вереница похудевших билковских гуськом тянулась в сумерки, чтобы наступила ночь непроглядная.

Дурная бесконечность верениц, образующихся из зависающих рукопожатий, — и есть соль политики, говорила она мрачно. И пересаливала винегрет к ужину. По вечерам она всегда ела винегрет, слушала новости и, дослушав, сразу засыпала. Чтобы влюбленно встретить бессонницу предрассветного часа. Увидеть Малевича, гоняющего чай с Билковским и услышать долгожданное.

Сегодня это случится, думала она. Не может не произойти.

В этот момент Малевич и произнес: "Уберите, уберите этого человека!".

Рука Билковского застыла протянутой, но не растворилась, как обычно. И полдень завис.

Пришлось заменить собеседника.

Теперь разговоры велись исключительно об искусстве. Чистом. Одно напрягало, что кроме

искусства рисунка, кроме искусства живописи появилось искусство слова, и новый собеседник, хоть руку Малевичу и не протягивал, а, подымая ее, бил себя в грудь, приговаривая: "На мне закончился век двадцатый. Я последний постмодернист"... выглядел при этом как последний постмодернист, Пилевин. Малевич так ему и говорил: "Ты последний фразер, как и последний постмодернист. Пилевин, ты — последний".

Она думала, глядя на сцену грустную, как бы подернутую серебристой пленкой бессонницы, как бы присыпанную рыхлым пеплом сгоревшего в рассветных лучах века двадцатого... Она думала, при чем здесь постмодерн? Этот собеседник вовсе не пытается ИЗМЕНИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ. Он просто называет ее. Как ребенок. Вопрос, соответствует ли суть называния определению сути?

Малевич фырчал чаем, сюрпал супом и сообщал сварливо — определения тем и хороши, что претендуют на постоянство. То есть неизменность сути. Что суть и передает определение. Собственно, передается определением. Собственно, определение и есть формула сути, что песочные часы, как ни переворачивай, если в них на три минуты песка, только три минуты и отсчитывают, что вот взят его "Черный квадрат", к примеру, но тут Пилевин говорил — кой черт квадрат трогать, кой черт вообще что-то брать... делать...

И тогда она говорила, что какой же здесь постмодернист за чаем сидит, если брать ничего не надо. Здесь чистый модернист. А Пилевин — не чистый модернист, а чистый и явный постмодерн, так в литературной эн-

циклопедии написано, значит, собеседник не тот, за кого мы его имеем?

И тогда Малевич, чтобы вывести на чистую воду Пилевина, протягивал ему руку, произнося пронзительно: "Малевич". Но рукопожатия не происходило, потому что в ответ собеседник Малевича протягивал четкую фигу. И не называл имени своего.

Так наступал очередной полдень, и она раздраженно думала, что пора прекратить эти чаепития, не греющие сердце. Или искать нового подходящего собеседника для Малевича.

И наступал неизменно очередной час предрассветный, когда она смотрела, как тьма съедает себя, сжимается в точку до сухого остатка. Тогда она влюбленно брала эту тугую черную битую и снова утверждала ее на черной крышке пианино.

И неизменно приходил Малевич. Тут же. Со своим пистолетом. Со своими чаями, разговорами об искусстве рисунка и искусстве живописи.

Она не спала, думала о вечной проблеме собеседника.

А потом пришли однажды Политик (не Билковский) и Писатель (не Пилевин) — и вынесли нафиг пианино из квартиры.

В полдень обнаружилось, что куда положить тугую черную битую. И она выбросила битую через форточку. В этот день сумерки не сгустились, ночь не наступила, бессонный час предрассветный тоже. Началась новая неизвестная жизнь. И это было хорошо, потому что было светло. Философия пустоты оказалась замкнутой черным квадратом. И кроме того, Малевич не пришел больше. Со своим маузером.

Малевич — отдыхал.

Александр ХИНТ

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛИНА

(Из книги земли)

На луга мы гнали стада.
Реки между пальцев текли.
Да-да-да, Адам, да-да-да
Ти-ли-ли, Лилит, ти-ли-ли.

Снизу у горы лают псы,
полосни закат выше, нож.
Где твой, Авраам, нежный сын?
Линия руки — Мажино.

Что-то греешь там, на груди,
и не замечаешь, увя:
Саломея ли, Иудифь —
не поднять уже головы.

Посчитать полвека до ста,
принести полнеба в кусках —
как часам песочным отстать
на смешную горку песка,
что когда-то весело рыл
у реки (под носом сопля),
задирая кончики крыл...

Где вчера барахтался пляж,
там сегодня сорок пустынь.
Что ни голова, то Саид.
На лугах чужие кусты.
Время между пальцев — стоит.

Кто-то у смоковницы спит
в летний полуденный зной.
Под рукою — томик открыт
на странице тридцать второй.
Муравей тащится по ней.
День шестой в глазах муравья,
книга под ногой — Бытие,
на спине хитина броня.
Рядом обмелевшая падь,
черепаша сохнет на дне —
ей до Галилея держать
муравья. И всё бытие.

Время пришло,
и проросло
в камне,
видишь, зерно,
слово стекло
в раме.
Это простить нелегко:
восемь по десять веков
хруста —
ни полюбить, ни забыть,
ни до конца затравить
псами,
как говорил Заратустра.

Не завершен
аукцион
иллюзий,
новый идет
праведный Лот,
грустен —
что поливал и любил
пепел и въедливый дым
станет.
Проще сказать "гори!",
крысы бросают Рим,
гуся
даже себя не спасают.

Чем заменить
рваную нить,
ядом
не утолить,
не надкусить
яблока.
Что нам теперь саранча,
сделай-ка лучше чай
крепкий,
и приготовься — всё заново.
Эта звезда уже падала
рядом,
испепеляя реки.

Значит, опять
вместе стоять,
вместе
перевирать
ноты, слова
песен.
Плотно, как двери в раю,
смыкнуты в пешем строю
люди,
присно, и ныне, и впредь —
теплая мягкая медь
забудет
медленно позеленеть.

Значит — в аду,
в третьем ряду
слева.
Слышишь, звонят,
это меня,
Ева.

У А. Хинта в феврале 2011 года вышла первая книга, стихи из которой предлагаются вниманию читателей.

Сергей ГЛАВАЦКИЙ

УГРОБЛЕНО ПОД ЗАМКАД

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом

пьют коллекторы СПИД,
И за крепкое здоровье пьет инвалид,
И скорбят по нам — Киев, Одесса и Минск...
Поминать уже некого — черный помин.

Мы — обрубки без ног, мы — культяпки без рук,
(Девятнадцатый год в наших генах — хоругвь),
Ходим в черном — сто лет, и не знаем,
что так —
Поминаем царя, что мы все еще — там,
И морально мы — трупы — уже — навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что — постельный режим.

Это княжество катится в тартарары —
В состоянье искусственной черной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нем — нефтяной черной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок, под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в свои небеса!

Евгений ДЕМЕНКО

ДНЕВНИК НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

2 января
Решил стать писателем. Радовался.

3 января
Долго думал и решил — нужно перечитать все стоящие книги, написанные человеками. Вдохновение, сюжеты, героев и технику буду черпать в них.

15 марта
Прочитал Толстого, Софокла, Есенина и Гомера. Здорово пишут, гады!

1 июня
Прочитал Кафку, Ремарка, Сэлинджера, Хемингуэя. Это же сколько, оказывается, люди понаписывали за это время!

30 июня
Гоголь лежит на столе немой укором. И зачем Достоевский так растянул "Братьев Карамазовых"?

22 июля
Прихожу в отчаяние. Боюсь, писать так же хорошо не получится. Ухожу к Маркесу с Борхесом. Главное — их не перепутать.

2 сентября
Бросил чтение — всё прочесть невозможно. Комплекс неполноценности укрепился. Буду пытаться его изжить. Нужно забыть все прочитанное и самому искать сюжеты в окружающем мире.

5 сентября
Пробовал писать. Герои прочитанных книг теснятся в голове, перебивая друг друга стандартными заезженными фразами. Понял, что все знать невозможно, ничего не знать не получается. Опять половинчатость.

1 октября
Ну нет, решительно невозможно написать что-либо оригинальное. Что я могу сказать после Драйзера с Бабедем? Я, закончивший одесский строительный институт?

2 октября
Пришел в отчаяние.

3 октября
Вышел из отчаяния, заглянул в холодильник. Порезал колбасу. После первого куска осенило. Буду писать для кошек и собак. Для них еще никто не писал, я буду первым. Читатели они неискушенные, строго судить не будут. Для лучшего усвоения писать буду на колбасе.

5 октября
Попробовал свое первое произведение. Вкусно! Понял, что все зависит от сорта колбасы. Буду совершенствоваться!

